

Сергей
Зверев

ЖИГАН

ПЕРО И ВОЛЫНА

ЭКСМО

Жиган

Сергей Зверев
Перо и воляна

«Научная книга»

2002

Зверев С. И.

Перо и воляна / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2002 — (Жиган)

Он опять остался один на один с рвущимися к его горлу врагами – отмороженными бандитами и не менее отмороженными ментами. Друзья Константина Панфилова, нестигаемого Жигана, убиты, а сам он в последнюю секунду уходит от гибели. Одним шрамом больше – одним меньше, не в этом суть – считает непокоренный Жиган. Ему не привыкать смотреть в вороненый зрачок ствола или видеть хищный блеск ножа. Он умеет сломать хребет противнику, перетерпеть боль, найти силы для новой схватки. А вот чего Жиган не умеет, так это изменять самому себе.

© Зверев С. И., 2002

© Научная книга, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Сергей Зверев

Перо и волына

Глава 1

Немолодая полнеющая женщина в сером деловом костюме, с бледным испуганным лицом выбежала из торгового зала, захлопнула входную дверь и вывесила за стеклом табличку с надписью «Технический перерыв».

Граждане, желавшие войти в магазин – а их было несколько человек, – недоуменно поглядывали то на часы, то на запретительную табличку, то на вывеску «Хозтовары» и чуть пониже – «Обмен валюты».

Кое-кто, пожав плечами, повернулся и ушел. Но трое самых упрямых после некоторого замешательства стали шумно возмущаться и барабанить в запертую дверь:

– Откройте!

– Совсем уже обнаглели! Посреди рабочего дня перерыв устраивают. Мало им обеда! Мы это просто так не оставим! Будем жаловаться в исполком! – орала тетка сволочного вида с авоськой в руках.

Ей поддакивал седоволосый пенсионер в измятой рубашке и поношенных брюках армейского образца.

– Мы вашу частную лавочку быстро прикроем, буржуи недорезанные. Мне лампочку надо купить. Что я жене скажу? Откройте немедленно!

Крики и жалобы не вызывали у работников магазина никакого сочувствия, и несостоявшиеся покупатели прильнули к стеклу в верхней части двери, пытаясь разглядеть, что же творится в торговом зале.

А там происходило нечто странное. Продавцы метались по магазину, что-то восклицая и размахивая руками.

– Канализацию, что ли, прорвало? – высказала предположение сволочная тетка. – Так им и надо, пусть нашим говном обожгутся.

– Нет, – авторитетно сказал отставник, – ежели б говно прорвало, то вонища бы стояла. Я знаю, у нас в подвале однажды такое было.

– А чего же они бегают, как обосравшиеся? – вставил молчавший до этого мужичонка бомжеватой внешности.

– Может, проверка какая нагрянула, – предположила тетка, – а у них, видать, недостача на складе.

– Да чихать мне на их склад, – доставая из кармана бычок, проговорил мужичонка. Чиркнув спичкой, он прикурил и с наслаждением затянулся синим дымом.

– А что ж тебе надо? – язвительно спросила тетка, отрывая взгляд от двери хозяйственного магазина.

Выпустив из легких ядовитое облачко, мужичонка откашлялся и деловито сказал:

– Да мне в обменник надо было, долларов хотел прикупить.

Тетка сволочного вида и отставник поперхнулись и устались на мужичонку. Спустя несколько мгновений пенсионер прокурорским тоном произнес:

– Да в наше время за эту дрянь в лагеря сажали.

– Ладно, дед, не пыли. – Его собеседник лениво отмахнулся и, сделав последнюю затяжку, выбросил уменьшившийся до размеров булавочной головки окурочок. Потом развернулся и, не обращая внимания на сверлившие его спину взгляды, отправился восвояси.

Не прошло и минуты, как под завывание sireны к магазину подъехали две машины: желто-синие милицейские «Жигули» и «уазик», выкрашенный в защитный цвет. Несколько мгновений спустя подъехала третья машина – «рафик» с надписью «Следственная бригада».

Из «уазика» выскочили двое вооруженных короткоствольными автоматами милиционеров и, передергивая на ходу затворы, бросились к двери магазина. Пенсионера-отставника и сволочного вида тетку как ветром сдуло.

Один из милиционеров стукнул ногой в шнурованном ботинке по дверному косяку. Его напарник озабоченно оглядывался по сторонам.

– Откройте – милиция!

Молоденькая продавщица в форменном платье подбежала к двери, мельком глянула через стекло и щелкнула замком.

Тем временем из «рафика» вышли несколько человек в штатском и, доставая из карманов сигареты, принялись неторопливо закуривать.

Вооруженные милиционеры прошли в торговый зал. Возле обменного пункта в луже крови лежали два бездыханных тела. Рядом с ними стояли сотрудники магазина.

– Ну, где тут у вас убийство?

* * *

В этот день магазин хозяйственных товаров начал работу как обычно, по расписанию, в девять часов утра. Расположенный в торговом зале пункт обмена валюты открывался на полчаса позже.

Небольшой банковский пикап с бронированным кузовом также прибыл по расписанию – в 9.05. Он подъехал по тротуару прямо к крыльцу магазина.

Двое высоких широкоплечих охранников в полувоенной униформе отнесли в обменный пункт опечатанный бумажный мешок с деньгами и передали его кассиру – маленькой хрупкой девушке с миловидным, почти детским личиком.

Получив подпись кассира на сопроводительных документах, один из охранников подмигнул напарнику, похлопал его по плечу и, пожелав удачного дежурства, вышел из обменного пункта.

Спустя несколько мгновений взревел двигатель, и бронированный банковский грузовичок отъехал от дверей хозмага.

Девушка-кассир вскрыла опечатанный пакет, аккуратно пересчитала деньги и уложила пачки банкнот в ящики кассового аппарата. Наблюдавший за этой операцией охранник удовлетворенно кивнул и вынул из кармана пачку сигарет «LM».

До открытия обменного пункта оставалось еще десять минут. Девушка торопливо закрыла кассу и, сунув ключ в карман плотно обтягивавших ее фигурку джинсов, обратилась к охраннику:

– Санечка, угости даму сигаретой.

Охранник взглянул на часы.

– Время еще есть, – игриво улыбнулась она. – Можно покурить на крылечке.

– Ладно, Светка, только пошли на задний двор, – согласился он, поправляя висевшую на кожаном ремне кобуру, из которой торчала рукоятка пистолета Макарова.

Заперев дверь обменного пункта, они прошли через торговый зал в подсобку, а оттуда – во внутренний двор хозяйственного магазина.

Пьяный с самого утра грузчик в засаленном халате, когда-то имевшем синий цвет, лениво рвал на части картонные ящики.

– Здорово, Степаныч! – окликнул его охранник. – Как жизнь молодая?

– Как, как, – вяло ответил грузчик, – сядь да покак.

- Опять вчера набрался?
- А я и сегодня не останавливался.
- Заметно.

Охранник угостил кассиршу сигаретой и чиркнул зажигалкой, давая ей прикурить.

- Степаныч у нас чемпион по литературному, – прокомментировала девушка.

Грузчик на мгновение оставил в покое картонные ящики и с гордостью выпрямился.

- Да, я пью много, – почти твердо сказал он, – но с отвращением.

Перекидываясь шутками с грузчиком, охранник и кассирша выкурили по сигарете, после чего вернулись на рабочее место.

Посетителей в торговом зале магазина почти не было. Лишь двое парней в кожаных куртках со скучающим видом разглядывали витрины. Продавщицы, зевая, смотрели в потолок, полировали на маникюрные ногти, обменивались всякими новостями.

– Скучно тут в магазине, – сказал охранник, открывая дверь обменного пункта, – только вот Степаныч – веселый мужик.

- Если бы еще не пил... – смеясь, добавила девушка.

- А кто в наше время не пьет? Степаныч – человек безобидный.

Кассирша едва успела ступить за порог обменного пункта, как в торговом зале грохнул выстрел.

С потолка посыпались куски разбитого пластикового покрытия.

- Всем на пол! – раздался истошный крик.

Кричал парень в кожаной куртке, который еще несколько мгновений назад оценивающе приглядывался к итальянской люстре. В руке у него был пистолет.

Продавщицы, мгновенно позабыв о скуке, маникюре и сплетнях, бросились под прилавки.

- Ты, сука, быстро упал! – раздался крик над ухом охранника.

Обернувшись, тот увидел направленный в лоб ствол пистолета. Второй грабитель с перекосенным от злобы лицом рявкнул:

- Я повторять не буду!

Кассирша, обхватив руками голову, в страхе бросилась на пол. Охранник осторожно поднял руки на уровень груди.

- Тихо, тихо.

– Что – тихо? – заорал грабитель. – Ты чего, не понял, – его палец нервно плясал на спусковом крючке, – щас мозги наизнанку выверну.

Второй грабитель остался у входа, страхуя подельника. Он то и дело поглядывал на улицу, зачем-то ухватившись за ручку входной двери.

- Ну че ты там тянешь? Гребни бабки, и сваливаем.

- Ты че, глухой? – закричал бандит охраннику обменного пункта. – Выворачивай кассу!

- У меня и ключей-то нет, – сквозь зубы проговорил охранник.

- А где, где ключи?

- У нее. – Он чуть отклонил голову в сторону кассирши.

Нервный грабитель перевел пистолет на девушку.

- Ты, падла, выгребай «капусту».

- Я... я сейчас... – Перепуганная девушка начала подниматься с пола.

Воспользовавшись моментом, охранник бросился на грабителя. Первым же ударом он сшиб парня в кожаной куртке на пол и навалился на него сверху.

Пистолет выпал из руки бандита и отлетел на пару метров в сторону. Завязалась борьба. Охранник был выше ростом и шире в плечах.

Преступник пытался отбиваться, но безуспешно. Удары один за другим сыпались на его голову.

– Ленчик, – захрипел он, – Ленчик.

Его подельник, увидев, что дело плохо, оставил дверь и кинулся к обменнику. Не говоря ни слова, он подбежал к борющимся и ударил рукояткой пистолета по затылку охранника.

Но тот словно не почувствовал удара и продолжал размахивать кулаками.

И тут прозвучал еще один выстрел. Охранник тут же обмяк, и его тело грузно навалилось на неудачливого преступника.

– Ты что делаешь, сволочь? – в ужасе закричала кассирша.

– Не дергайся, сука, – со злобой проговорил бандит и, почти не целясь, выстрелил в девушку, которая бросилась ему навстречу.

Она упала уже за порогом обменного пункта. Грабитель сунул пистолет за пояс и, наклонившись над охранником, оттащил его тело в сторону.

– Рахит, ты живой?

Его подельник, в ужасе вытаращив глаза, промычал что-то нечленораздельное.

– Живой, спрашиваю, урод?

– А? Ага.

Ленчик метнулся в обменник, зло ударил кулаком по запертому кассовому аппарату и матернулся. Рахит понемногу приходил в себя.

– Ты чего?

– Бля, бабок нет и два жмурика. Рвем когти.

– Ключи у этой сучки.

– Козлина ты долбаная. Какие ключи? Давай за мной.

Ленчик схватил подельника за шиворот кожаной куртки и потащил следом за собой к выходу.

– Всем лежать, суки! – орал он на ходу. – Кто шевельнется – сразу завалю!

Спустя некоторое время насмерть перепуганные продавцы наконец выбрались из-под прилавков и бросились к обменному пункту.

Лужи крови растекались вокруг двух неподвижных тел.

Глава 2

Молодой мужчина – на вид ему было не больше тридцати, в дорогом темном костюме, отличных ботинках, с кожаным атташе-кейсом в руке – вышел из серебристого «Мерседеса», который остановился возле серого трехэтажного здания в центре города.

Дав какие-то указания шоферу и охраннику, молодой человек направился ко входу в здание. На крыльце рядом с вывеской «Отдел внутренних дел» стояли, покуривая, трое милиционеров.

Пассажира «Мерседеса», прошедшего к входной двери, они проводили взглядами, полными нескрываемой ненависти.

Молодой человек с атташе-кейсом в руке прошел в здание, остановился перед окошком дежурного и вынул из внутреннего кармана пиджака сложенную пополам бумажку:

– У меня повестка к майору Турченко.

Дежурный капитан смерил молодого человека взглядом, мельком глянул на повестку, вернул ее и неопределенно махнул рукой:

– Третий этаж.

Спустя минуту молодой человек остановился перед неказистой дверью с обшарпанной табличкой «Следователь».

Пригладив волосы и поправив шелковый галстук с абстрактным рисунком, он постучал и потянул на себя дверную ручку.

– Можно?

В кабинете было накурено. За письменным столом сидел моложавый, но уже начинающий лысеть мужчина в поношенном сером костюме и расстегнутой на груди клетчатой рубашке.

Его внешний облик полностью соответствовал спартанской обстановке кабинета: двухтумбовый письменный стол в углу с телефоном, пепельницей и настольной лампой, покрытый облупившейся бурой краской железный сейф, несколько колченогих стульев.

– Это вы майор Турченко? – спросил посетитель. – У меня повестка на двенадцать часов.

– Я майор Турченко.

Хозяин кабинета глянул на наручные часы, провел ладонью по русым стриженным бобриком волосам.

– А вы, я так понимаю, Карнаухов?

– Да.

– Ну что ж, присаживайтесь.

Молодой человек с атташе-кейсом выбрал стул понадежнее, сел возле стола и, поджав губы, оглядел кабинет.

– Живем скромно, не гужуем, – натянуто сказал Турченко. – У вас в банке небось по-другому?

– Если можно, давайте перейдем к делу. – Карнаухов поерзал на неудобном стуле.

– Время – деньги? – усмехнулся следователь.

– Именно так.

– А вот мне больше нравится другая поговорка – всех денег не заработаешь.

Понимая, что его собеседник не намерен балагурить, Турченко достал из ящика стола чистый бланк, вынул из кармана пиджака шариковую ручку и казенным тоном произнес:

– Я пригласил вас в качестве свидетеля по делу о нападении на обменный пункт в магазине хозтоваров по улице Промышленной двенадцатого июня сего года.

– Я не совсем понимаю, какое отношение...

– Позвольте ваш паспорт, – не обращая внимания на слова посетителя, сказал майор. – Мне нужны данные для протокола.

– Пожалуйста, но я все-таки хотел бы узнать...

– Всеу свое время, не торопитесь.

Раскрыв паспорт, он начал читать вслух данные, записывая их в протокол:

– Значит, Карнаухов Валерий Павлович. Родились двадцать шестого, десятого, тысяча девятьсот шестьдесят шестого года в городе Запрудный. Все верно?

– Да.

– Образование?

– Высшее.

– Место работы?

– «Экстрабанк».

– Должность?

– Председатель правления.

– Где проживаете?

Записав домашний адрес и телефон Карнаухова, майор Турченко вернул ему документ.

– Должен предупредить вас об ответственности за дачу ложных показаний либо уклонение от дачи показаний. За это действующим Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрено наказание в виде исправительных работ либо лишение свободы.

Заметив легкое замешательство на лице Карнаухова, следователь несколько смягчился:

– Да вы не пугайтесь так, Валерий Павлович. Это формальности. Ведь вы сами наверняка не заинтересованы в том, чтобы скрывать правду. Мы с вами просто побеседуем.

– Зачем же тогда протокол?

– Беседу ведь к делу не подошьешь. Поймите, Валерий Павлович, это моя работа.

– Ну хорошо, – чуть помедлив, сказал Карнаухов, – что вы хотели узнать?

– Как давно вы работаете председателем правления «Экстрабанка»?

– Три месяца.

– А до этого где работали?

– В городском отделении «Сбербанка».

– А в какой должности?

– Заместитель начальника операционного управления. Вас что, интересует моя трудовая биография? По-моему, это не имеет никакого отношения к ограблению.

– Это уж мне виднее, – прохладно сказал следователь. – Я занимаюсь этим делом, и мне решать, что имеет к нему отношение, а что не имеет. Значит, вы работали заместителем начальника операционного управления городского отделения «Сбербанка», а потом вдруг стали председателем правления «Экстрабанка»? Я все правильно понял?

– А вы на моем месте отказались бы, если бы вам сделали такое предложение?

– Меня интересуют только факты, – сухо отозвался Турченко. – Обменный пункт в магазине хозяйственных товаров принадлежит вашему банку?

– Да.

– Вы были знакомы с Петровой Светланой Васильевной?

Карнаухов на минуту задумался.

– Петрова? Что-то не припоминаю.

– Она работала в обменном пункте.

– Ах, да-да, в самом деле. Мне говорили. Я узнал ее фамилию только после того, как это случилось.

– Вот как?

– Простите, как вас по имени-отчеству?

– Михаил Андреевич.

– Поймите, Михаил Андреевич, у меня в банке работает несколько десятков человек. Младшим персоналом лично я не занимаюсь, для этого у нас есть начальник отдела кадров. Поговорите с ним.

– Обязательно. Но все-таки вы можете что-нибудь сказать о... потерпевшей?

– Наверняка обычная сотрудница. У нас таких много.

– Охранника, который был застрелен во время нападения, вы, конечно, тоже не знаете? – почти утвердительно сказал Турченко.

– Нет. Этим занимается начальник службы безопасности.

– А что же входит в круг ваших служебных обязанностей? – спросил Турченко, аккуратно записав в протокол ответы Карнаухова.

– Если вас это очень интересует... Кредитная политика, взаимоотношения с клиентурой, в основном крупной, лицензирование, связи с другими учреждениями – финансовыми, государственными, работа с акционерами. У нас ведь акционерно-коммерческий банк.

– Кто входит в число акционеров банка? – поинтересовался следователь.

– А что, это также необходимо для расследования нападения на обменный пункт?

– Это необходимо для создания полной картины преступления, – уточнил майор.

– Уставные документы относятся к сфере коммерческой тайны. Так что извините. – Молодой банкир развел руками. – И потом, товарищ майор, мне кажется, вы все-таки не там копаете.

– А вот это уже мое дело, товарищ банкир, – веско сказал следователь, – где и как копать. Давить на вас я не собираюсь. Мне хотелось бы вашего добровольного сотрудничества со следствием. Почему грабители избрали для нападения обменный пункт именно вашего банка?

– Вы у них спросите, – парировал Карнаухов. – Я-то откуда могу знать?

– И спросим, обязательно спросим, – уверенно сказал Турченко, откидываясь на спинку стула. – Когда поймаете.

– Если поймаете, – уточнил молодой банкир.

– Что вы хотите этим сказать? – с нажимом произнес следователь.

Карнаухов пожал плечами.

– Время сейчас сложное. У всех свои проблемы, – неопределенно сказал он.

– Мы поймать преступников, если вы будете сотрудничать со следствием, а не делать оскорбительные намеки.

Карнаухов никак не отреагировал на эти слова, очевидно желая поскорее покинуть кабинет следователя, а не ввязываться в пустые словопроения. Это понял и майор.

– Значит, вы не знаете, почему преступники сделали попытку ограбления обменного пункта, принадлежащего именно вашему банку?

– Не знаю.

– Между прочим, согласно протоколу осмотра места происшествия в кассе обменного пункта была обнаружена валюта в количестве двадцати семи тысяч долларов США и пятнадцати тысяч немецких марок, а также восемнадцати миллионов российских рублей. В связи с этим у меня возникает вопрос: как объяснить наличие такой суммы – ведь это немалые деньги, согласитесь, Валерий Павлович, – еще до начала работы обменного пункта?

– А что в этом особенного? – На лице банкира не отразилось удивления.

– Если бы это было в конце рабочего дня, тогда понятно. А в десять часов утра?..

– Я вам уже говорил, что работой каждого конкретного обменного пункта я не занимаюсь. По этому поводу нужно обратиться к начальнику управления обменных операций. Если же хотите знать мое личное мнение, пожалуйста. Накануне, на торгах Московской валютной биржи, курс рубля испытал существенное снижение. Не слишком катастрофическое, но заметное. Любой грамотный банковский работник имел полное право ожидать, что граждане, узнав о значительном снижении курса рубля, захотят обезопасить свои сбережения и отправятся в

обменные пункты за валютой. В пределах имеющегося у нас лимита на ведение операций с наличностью у меня не вызывает никаких вопросов наличие в кассе обменного пункта названных вами сумм.

Майор Турченко скептически хмыкнул.

– Неужели после грабительской приватизации и задержек с выплатами зарплаты в нашем городе есть люди, которые способны покупать тысячами доллары и дойчмарки? Что-то очень сомнительно.

Молодой банкир снисходительно посмотрел на следователя и, наверное, впервые за все время разговора искренне улыбнулся.

– Таких граждан много, – уверенно сказал он, – и гораздо больше, чем вы, Михаил Андреевич, думаете. Кстати, могу я задать вам встречный вопрос? В вашем ведомстве зарплату задерживают?

Следователь поморщился.

– Это не имеет отношения к делу.

– Значит, не задерживают. Не так все плохо, как порой пишут в газетах.

В кабинете воцарилось молчание. Майор склонился над столом и, долго раздумывая над каждой фразой, заносил в протокол слова Карнаухова.

Наконец он поставил внизу документа размашистую подпись и протянул протокол своему визави.

– Прочтите и распишитесь.

– Что будет означать моя подпись на этом документе? – осторожно спросил Карнаухов.

– Только то, что вы с содержанием протокола ознакомлены, – успокоил его Турченко.

Карнаухов внимательно прочел протокол. Затем, немного поколебавшись, вынул из нагрудного кармана пиджака дорогую перьевую ручку, снял колпачок и поставил подпись.

– Я могу идти?

– Да, вы свободны. Давайте вашу повестку, я отмечу.

Покинув кабинет следователя, Карнаухов спустился вниз, вышел на крыльцо, снял с пояса мобильный телефон и набрал номер.

– Константин Петрович? Это Карнаухов. Я могу поговорить с вами? Да, лучше сейчас. Вы будете в офисе? Я вызываю машину. Приеду к вам, – он глянул на золотые наручные часы, – через пятнадцать минут. Договорились.

* * *

Спустя четверть часа в дверь кабинета руководителя фирмы «Лидер» Константина Панфилова постучали. Вслед за этим на пороге показалось миловидное лицо секретарши.

– Константин Петрович, к вам Карнаухов.

Панфилов захлопнул лежавшую перед ним на столе папку с документами, отодвинул ее в сторону и кивнул:

– Я его жду.

– Кофе?

– Да, пожалуйста.

Кабинет Панфилова занимал едва ли не половину верхнего этажа в двухэтажном особняке на тихой тенистой улице города Запрудного.

Сразу после новогодних праздников в особняке начался ремонт. Через два месяца здание было не узнать.

Московская строительная фирма проводила ремонт с перепланировкой и европейской отделкой. Панфилов не жалел денег на качественные импортные строительные и отделочные материалы, на зарплату архитекторам, дизайнерам и рабочим.

Естественно, в таком небольшом городке, как Запрудный, подобное не могло остаться незамеченным.

Вначале среди сотрудников фирмы «Лидер», а затем и в кабинетах конкурентов стали циркулировать слухи о том, что Панфилов после своей поездки в Америку осенью прошлого года неслыханно обогатился, что он разбрасывается деньгами налево и направо, вместо того чтобы вкладывать их в дело.

Некоторые деловые партнеры при встрече с Панфиловым пытались осторожно выяснить, зачем ему понадобился этот дорогостоящий ремонт. На это Панфилов с неизменной таинственной улыбкой отвечал:

– Расширяемся.

Из особняка, ставшего теперь головным офисом фирмы «Лидер», генеральный директор Панфилов своим распоряжением выселил все подсобные подразделения. Для них он арендовал здание бывшего детского сада, расположенное в нескольких кварталах отсюда. В запущенной двухэтажной кирпичной постройке также пришлось провести ремонт и перепланировку.

В офисе остались лишь кабинет генерального директора, теперь более напоминавший зал для приемов, бухгалтерия и служба безопасности.

Место главбуха на протяжении уже нескольких лет занимал как всегда педантичный и скрупулезный Виктор Сергеевич Шевченко. Лучшего сотрудника на эту должность Панфилов едва ли мог бы найти. При Шевченко все финансовые дела держались в образцовом порядке.

Сдержанный и скупой на слова, он тем не менее всегда находил общий язык с налоговиками, банкирами, прекрасно ладил с собственными подчиненными. Его уважали прежде всего за профессионализм.

Некоторое время назад Панфилов предложил своему бухгалтеру должность коммерческого директора фирмы. Шевченко без раздумья отказался. Свой отказ он объяснил просто: лучше быть хорошим бухгалтером, чем плохим бизнесменом.

После этого Панфилов вдвое поднял зарплату своему главбуху.

Службу безопасности фирмы «Лидер» возглавлял отставной разведчик Семенков. Его подчиненные занимали теперь половину первого этажа здания головного офиса. Технический отдел был оснащен самой современной аппаратурой, укомплектован толковыми молодыми специалистами.

Порой, глядя на их работу, Панфилов шутливо говорил своему заму:

– У нас тут что-то вроде филиала ЦРУ.

– Насчет ЦРУ не знаю, – отвечал Семенков, – бывать там не приходилось, однако надо бы еще кое-что прикупить.

На развитие службы безопасности Панфилов денег не жалел. Он давно усвоил одну простую истину – успех в любом деле зависит от полноты информации. К бизнесу это имело самое непосредственное отношение.

А ведь в ближайших планах Константина Панфилова был не только бизнес...

– Турченко, значит? – переспросил Панфилов, помешивая ложечкой кофе в изящной китайской фарфоровой чашке.

– Да, майор Турченко, – подтвердил Карнаухов.

Константин хмыкнул:

– А я думал, этот капитан никогда не станет майором.

– Что-что? – не понял молодой банкир.

– Это я так, отвлекся, продолжай.

– Я вообще не понимаю, зачем он меня вызывал. – Карнаухов выглядел несколько растерянным. – Его дело – гильзы собирать и свидетелей допрашивать. А его явно интересуют наши внутрибанковские дела. Интересовался учредителями, уставными документами.

Панфилов нахмурился, вытащил из кармана пачку «Кэмела», сунул в рот сигарету, шелкнул зажигалкой.

Сидевший чуть поодаль Семенков обменялся с шефом выразительными взглядами.

– Я, конечно, не собирался выкладывать ему на стол устав, тем более что у меня его с собой и не было... – оправдывающимся тоном сказал Карнаухов.

– При желании достать устав не составит ему особого труда, – отозвался Семенков.

– Что еще интересовало гражданина следователя? – спросил Панфилов.

– Сумма наличными в кассе обменного пункта показалась ему слишком большой. Я объяснил, что накануне на торгах валютной биржи произошло снижение курса рубля и мы вправе были ожидать, что повысится спрос на наличную валюту.

– Ну что ж, вполне разумное объяснение. По крайней мере, с формальной точки зрения, – согласился Семенков.

– Сколько у нас там было? – спросил Панфилов.

– Двадцать семь тысяч долларов, пятнадцать тысяч марок и восемнадцать миллионов рублей, – уточнил председатель правления банка.

– Многовато для обменника, – поморщился Панфилов, затушив в пепельнице сигарету. – По документам все чисто?

Карнаухов нервно поерзал в кресле.

– Я уже отдал распоряжение, чтобы все документы были оформлены как следует, задним числом, конечно.

– Владимир Иванович, – обратился Панфилов к начальнику службы безопасности, – возьми этот вопрос на контроль.

– Обязательно.

– Остальное не заслуживает внимания. Спрашивал про работников обменного пункта. Я сказал, что такими мелочами не занимаюсь.

– Все?

– Да.

Не обращая внимания на неодобрительный взгляд Семенкова, Константин достал еще одну сигарету, снова закурил.

– Значит, так. Работу с черным налом пока остановим. Береженого бог бережет.

– Что – вообще прекратить? – обеспокоенно спросил Карнаухов.

– Разве я сказал прекратить? – раздраженно откликнулся Панфилов. – Я сказал – останавливать. Подождем неделю-другую. Как говорил один мой знакомый с Кавказа – тарапытца нада нэт. Знаю, что остановится несколько проектов. Как-нибудь переживем. Главное, надежно прикрыть тылы. Вопросы есть?

– А если этот Турченко опять вызовет?

– Юноша, – наставительно сказал Панфилов, – запомни раз и навсегда, никаких лишних телодвижений. Вызовет – проконсультируешься с нами. Нет – значит, и беспокоиться не о чем. Старайся не светиться, поменьше привлекай к себе внимание.

– Я и так скромно живу, – оправдывался Карнаухов. – Обедаю дома или в офисе, спиртного в рот не беру. Даже любовницы у меня нет. Некоторые в банке уже смеются.

– Вот и хорошо. Именно этого я и хотел, когда брал тебя на работу в банк, – строго сказал Панфилов. – Пусть смеются. А тем временем твой личный счет будет пополняться.

Сглотнув, Карнаухов посмотрел на Панфилова, потом на шефа службы безопасности. Поняв, что разговор закончен, он встал и молча вышел из кабинета.

– Что скажешь, Владимир Иванович?

Семенков встал с кресла, прошелся по кабинету, сунув руки в карманы брюк.

– Не нравится мне все это, Константин Петрович, ох, как не нравится. Меня с самого начала не привлекала эта идея с черным налом. Конечно, все это приносит хорошие проценты,

но риск слишком велик. Много людей задействовано. Информация обязательно откуда-нибудь просочится. Помнишь, как говорил Мюллер: то, что знают двое, знает свинья.

– А как же иначе? Риск есть в любом деле.

– Тоже верно. Не знаю, Константин Петрович, не знаю...

– А что, если события будут развиваться по худшему для нас сценарию? Турченко явно что-то пронюхал...

– Как далеко он сможет зайти, зависит уже от нас с тобой, Владимир Иванович. Главное, вовремя остановить ретивого следака.

– Кстати, не припоминаю, чтобы он проявлял какое-то особенное рвение при расследовании прошлогоднего налета на бензоколонку.

– Ты, кажется, говорил, что после этого дела у него лишних звездочек на погонах не прибавится, а вот поди ж ты, майором стал.

– Может, потому и стал, что дело в висяк превратил.

– У нас есть какие-нибудь выходы на этого Турченко?

– Напрямую – нет, только через городского прокурора.

– Как там у него дела? Освоился уже в новом кабинете?

– Кто – Бирюков? Я его уже несколько дней не видел. Уехал в Москву. Начальство из областной прокуратуры вызвало к себе.

– Для нас это не опасно? – нахмурил брови Панфилов.

– Нет, обычная служебная рутина. Новый человек вступил в должность. Проинструктировать надо, по рюмочке пропустить.

– Какой же он новый? – возразил Панфилов. – Сколько лет помощником городского прокурора проработал. И потом, Бирюков рюмками не пьет. Это для него слишком мелкая посуда. Ладно, черт с ним. Только бы вернулся поскорей. Проведи с ним работу.

– Я думаю, все будет в порядке. Бирюков обязан нам своим креслом. Если оно ему дорого, найдет способ приструнить Турченко.

– С этим закончили, – кивнул Константин. – Теперь вот еще что. В ближайшие три дня остаешься за главного. Если что – найдешь меня по мобильнику. По пустячным делам не звони, решай сам.

– Отдохнуть хочешь?

– Надо совместить приятное с полезным. Съезжу в Москву. У одного хорошего знакомого, любителя джаза, день рождения.

– Артур? – понимающе улыбнулся Семенов.

– Да, хочу порадовать старика. Заодно и сам развеюсь. А то скоро захлебнусь в этой запрудненской лабуде.

– Подарок уже присмотрел?

Панфилов встал из-за стола, открыл дверцу шкафа и вынул огромную, сверкающую лаком коробку с надписью на английском языке «Фрэнк Синатра».

– Коллекционное собрание записей Синатры, – с гордостью сказал Панфилов, демонстрируя подарок. – Он тут всякие джазовые штучки исполняет. Я вообще-то в этом не особо секу, но старику будет в кайф. Каждый раз, когда к нему в столицу наезжаю, он меня к джазу приучить пытается.

– Ну и как, выходит?

– Временами, особенно под коньячок, – засмеялся Константин. – Но вообще-то мне больше по кайфу что-нибудь наше, родное. А Синатру по спецзаказу из Штатов прислали.

Он положил подарок на стол, допил остатки давно остывшего кофе.

– Еще одна просьба, Владимир Иванович. Пока меня не будет, пусть твои ребята на всякий случай присмотрят за Игнатом.

– А что с ним?

– Пока все нормально. Младшой вроде бы жениться собрался.

– Понятно, дело молодое.

– Он пока в моем новом доме за городом обитает со своей подругой. А распишутся, пусть живут в нашей трехкомнатной.

– По-моему, – хитро сощурил глаза Семенков, – тебя, Константин Петрович, больше не Игнат беспокоит, а твой новый трехэтажный сарай. Но ведь ты сам пару дней назад распорядился снять там охрану.

– Да просто не хотел, чтобы им эти жлобы с собаками мешали. А насчет дома – может быть, ты и прав.

– Хорошо, – успокаивающе сказал Семенков, – я все сделаю. И за домом присмотрят, и младшего твоего без внимания не оставят.

– Как-нибудь ненавязчиво, чтобы особенно не светились.

– Все ясно, Константин Петрович, не переживай. В городе все тихо. «Синие» из кабаков не вылазят, Саша Порожняк завел очередную бабу. Азербайджанцы тоже себя ничем особенным не проявляют. На прочие мелочи можно не обращать внимания. Поезжай, Константин Петрович, отдохни.

Глава 3

Высокая пышнотелая блондинка в облегающем зеленом платье, виляя бедрами, вышла из подъезда серой пятиэтажки и, поправив болтающуюся на плече кожаную сумочку, остановилась на тротуаре.

Ее крупное, отмеченное печатью вульгарности и покрытое толстым слоем косметики лицо недовольно скривилось. Посмотрев по сторонам, она достала из сумочки продолговатую зеленую пачку, вынула длинную сигарету, щелкнула зажигалкой и, затянувшись, стала прохаживаться по тротуару.

Две старушки, сидевшие на ближней скамейке, наклонились и стали шушукаться. Девушка, нервно вдыхая ментоловый дым, не обращала на соседок внимания.

– Катка-то наша, глянь, – шептались старушки, – совсем нос задрала. Вырядилась как чучело, морду намазала, сигарету заграничную в зубы... Марья-покойница, царство ей небесное, пока жива была, дочку в ежовых рукавицах держала. А теперь...

– Да, одно слово – безотцовщина. И что из нее теперь получится?

– Известно что – пролядь несусветная. Сколько мужиков за год променяла. Скоро клейма негде будет ставить.

– А таперь-то у нее, слыхала, кто в хахалях ходит?

– Кто?

– Зек.

– Да неужто?

– Точно-точно. Я сама видала – бандюга. Все руки синие от наколок. Он ее по ресторанам возит и деньги дает.

– Да откуда ж у него деньги, ежели он зек? Придумала ты чевой-то, соседка.

– Ей-богу. – Старушка перекрестилась. – На здоровенной белой машине разъезжает по городу. И еще один бугай вместе с шофером спереди там сидит. А харя ж у него, харя – не дай бог хоть раз увидеть.

И тут, словно в подтверждение слов старухи, из-за поворота во двор дома резко вывернул белый «Мерседес» с затемненными стеклами. Сверкающая лаком и хромом машина, заскрипев тормозами, резко остановилась у подъезда.

Открылась передняя дверца. Из нее вышел невысокий здоровяк с грубым скуластым лицом, бычьей шеей и распухшими, словно от пчелиных укусов, кулаками.

Увидев его, старушки моментально притихли. Громила распахнул перед блондинкой заднюю дверцу «Мерседеса» и встал рядом с машиной, сумрачно оглядываясь по сторонам.

Девушка, демонстративно стряхнув пепел с сигареты, наклонилась к дверце и плаксиво сказала:

– Саша, где же вы пропадаете? Я уже битый час торчу на этом дурацком тротуаре.

Из салона «Мерседеса» высунулась хмурая физиономия известного запрудненского авторитета Саши Порожняка.

– Катюха, что за базары? – сирым прокуренным голосом проворчал он. – Возле банамент прилип. Пока туда-сюда, рамсы развели... Ну, на пару минут задержались.

Не вдаваясь в более подробные объяснения, он взял блондинку за запястье синими от татуировок пальцами и потянул ее в машину. Блондинка плюхнулась на сиденье, из салона донесся ее притворно-возмущенный голос:

– Саша, ну что ты делаешь? Отстань, шальной, я же с сигаретой. Платье мне прожжешь.

– Ничего, – расхохотался Порожняк, – прожгу это – куплю новое. Я тебе все что хочешь куплю. Даже новую жисть.

Громила, выполнявший роль охранника при Порожняке, захлопнул дверцу, сел в машину, и, взревев мотором, «Мерседес» умчался со двора.

Старухи-соседки лишь осуждающе покачали головами.

– Вот профура-то.

– Я тебе говорила, а ты не верила. Видала, какая рожа у этого бандюги?

– Видала. Ейный в машине-то сидел?

– Ага. Худющий, страшный, будто смерть. Пьеть, наверно, литрами...

* * *

Вожак запрудненских «синих», Саша Порожняк, вальяжно расположился вместе с очередной пассией за столиком в отдельном кабинете ресторана «Маленький принц». Его небритая почерневшая физиономия, лохматые всклокоченные волосы, засаленная, расстегнутая на груди рубашка и потертые джинсы резко контрастировали с аккуратной чистотой ресторанного кабинета.

Исключение из этой картины составлял лишь, пожалуй, черный матовый корпус мобильного телефона, торчавшего из наружного кармана рубашки Порожняка.

Метрдотель тщательно разгладил скатерть, на которой и без того не было ни единой морщинки.

– Все как обычно? – коротко осведомился он, наклонив голову в почтительном полупоклоне.

В свою очередь Саша Порожняк взглянул на пышнотелую блондинку.

– Катюха, шампусика?

Она капризно надула губки.

– Не хочу.

– А че?

– Мартини, – не задумываясь, сказала она, – сухой белый, со льдом и лимоном.

– Слышал, в натуре? – спросил Порожняк метрдотеля. – А мне белую.

– Так точно. Сколько водочки?

Саша неопределенно махнул рукой.

– Начнем с пузатого.

– Понятно, – кивнул метрдотель. – Закусочка и все прочее будут через минуту.

– Давай, гони своих халдеев.

Метрдотель исчез, бесшумно затворив за собой дверь кабинета. Девушка томно вздохнула и со скучающим видом вынула сигарету из пачки.

Пока она прикуривала, Саша громко зевнул и пятерней почесал макушку.

– Почему ты мальчиков не позвал?

– Ты че, Катюха, сбрендила? – лениво хмыкнул Порожняк.

– А что? Вчетвером было бы веселее, – пустив к потолку кабинета струю ментолового дыма, возразила она.

– С кем? – сипло засмеялся Саша. – С Зюзей и Долбаном? Они ж тупоры, даже хи-хи из себя выдавить не могут.

– А что такое «хи-хи выдавить»? – поинтересовалась Катюха. – Это значит посмеяться или пошутить?

– Вот то и значит, – буркнул Порожняк. – Ни хрена не петрят. Им бы только наберляться, и все. Вот раньше у меня были корифаны – Шустрый, Ермолай...

Двое официантов вкатили в кабинет, где сидел Порожняк с подругой, столик с напитками и закуской. На столе появились хрустальный графинчик с запотевшими боками, высокий стакан с коктейлем для дамы, икра, балык, салат из мидий, заливной язык, фрукты.

Официанты работали умело и сноровисто. Последней на столике появилась ваза, в которой стояли пять кроваво-красных роз.

– Это тебе, Катюха, – осклабился Порожняк. – Красная роза – эмблема любви.

– Спасибо, Саша. – Девушка жеманно растянула губы в некоем подобии улыбки. – Я люблю розы.

Официанты, закончив свое дело, застыли по обе стороны стола в выжидательных позах. Саша вытянул из кармана своих потертых джинсов две пятидесятитысячные бумажки, разложил их по краям стола.

Официанты взяли деньги и с благодарностью удалились.

– Ты их балуешь, – тоном супруги, наблюдающей за тем, как муж транжирит деньги, сказала блондинка. – Зачем так много?

– Когда у меня есть бабки, я их никогда не жалею. – Порожняк потянулся к холодному графину с водкой. – А бабки у меня есть всегда.

– За такие чаевые могли бы и сами клиенту рюмку наполнить.

Она взяла высокий стакан с коктейлем и стала помешивать его соломинкой.

– Это я их так выдрессировал. Хочу сам себе наливать. А вот раньше, когда Ермолай с Шустрым были... А, ладно.

Он опрокинул в рот рюмку холодной водки и закусил куском балыка.

– А почему ты все время говоришь «раньше», «были»? Они что, уехали? – отпив за один раз полстакана коктейля, спросила девушка.

– Эх, дура ты, Катюха, дура, – засмеялся Порожняк. – За это тебя и люблю. Братва никогда не уезжает, братва сваливает на зоны или в могилу.

– Так их посадили? – последовал изумленный вопрос.

– На погост их снесли, – ковыряясь пальцем в зубах, сказал Саша. – Теперь мои братаны на участке номер три лежат.

– Как жалко, – протянула Катя. – Наверное, хорошие были мальчики.

– Ну, Катюха, ты даешь, – хохотнул Порожняк. – Хрен с ними, давай еще по одной.

Он налил себе очередную рюмку водки, выпил ее, вяло поковырялся вилкой в салате, выловил из него одну мидию, разжевал ее, бросил вилку в салат, закурил.

– Какой-то ты сегодня странный, Саша, – пожимая плечами, сказала Катюха. – Сначала сказал, что будем гулять, а сам сидишь скучный. Может, расскажешь, что тебя беспокоит?

Порожняк нахмурился, потер небритое лицо:

– Братва вчера наехала из Первопрестольной. Банщики «капусту» привезли.

– Они в московских банях работают? – с очаровательной невинностью спросила девушка.

– Не в банях, а на банах, – устало-снисходительно пояснил Порожняк. – На вокзалах то есть. Бомбилы, каталы. Короче, лохов приезжих обувают и мне долю отстегивают. Откуда, ты думаешь, бабеньки на все это? – Он обвел рукой стол.

– Я же не знаю, – протянула она.

– Не знаешь, так не долдонь.

Девушка обиженно поджала губы и отвернулась.

– Щас вот в «Жар-птице» гужуют, – говорил скорее сам себе Саша Порожняк. – А я с тобой здесь сижу.

– Ну и иди к своим бомбилам.

– Да они ж как дети малые, – неожиданно стал оправдываться запрудненский авторитет. – Нажрут, весь город на уши поставят. Так уже было... А мне потом с ментовым поганым рамсы разводить. Не могу я с ними гужевать. Просекаешь? Не положено.

– Кем не положено?

– А... – Он снова потянулся к графину, но в этот момент мобильный телефон в нагрудном кармане рубашки издал мелодичную трель.

Порожняк вполголоса матернулся, вытащил мобильник, приложил к уху.

– Ну? Че? Бля, я вам что, нянька? Ладно, кончай княвать. Щас буду.

Отключив телефон и водрузив его на прежнее место, Порожняк скривился, потер затылок.

– Ну вот, бля, накаркала. У пацанов уже крыша дымится, кипишуют. Опять у меня головняк. Надо ехать.

– Ты оставляешь меня одну? – чуть не захныкала Катюха. – Я не хочу одна, мне скучно.

Но Порожняк уже встал из-за стола.

– Не томись, Катюха, я тебе Долбана оставлю.

* * *

– Ну давай, давай стирь достанем и посмотрим, кто кого нагреет! – с горячностью воскликнул молодой парнишка с мелким невзрачным лицом. – Ты че, думаешь, что самый крутой? Это, может быть, ты в Запрудном крутой, а у нас в порту тебя любой лох разденет!

– Кого, меня? Любой лох?

Здоровенный плечистый мужлан в зеленой майке с надписью «Шанель» на груди едва не задохнулся от возмущения.

– Это ты мне, Самсону, такое базаришь?

Невзрачный парнишка, носивший погонялу Малыш, накануне приехал в Запрудный из Москвы вместе с группой коллег по ремеслу – лохотронщиков, катал, бомбил, ломщиков. Почти все они работали в столичном аэропорту Домодедово и на Ярославском вокзале под патронажем запрудненской братвы.

Начался отпускной сезон. Столичные аэропорты и вокзалы заполнились транзитными пассажирами, направляющимися на отдых через Москву.

Банные и портовые команды работу свою делали хорошо, делиться не забывали. В запрудненский общак потекли обильные вливания.

Столь доходный бизнес достался Саше Порожняку не за красивые глазки. Еще прошлым летом крышу «домодедовцам» и «ярославцам» делали азербайджанцы. Однако им приходилось сталкиваться со все более растущим давлением славян.

После нескольких стычек, в которых азербайджанцы понесли ощутимые потери, их лидеры стали подумывать о том, чтобы отступить с поля боя, не потеряв лица. Выход подсказал вор в законе Айваз, обосновавшийся в Запрудном и прочно контролировавший сразу несколько доходных сфер – бензиновый бизнес, рынки, торговлю наркотиками.

Для него прошлое лето было также отмечено столкновениями с запрудненскими «синими». Чтобы прекратить войну, которая мешала и тем и другим, Айваз предложил Порожняку навести порядок в рядах своих бойцов.

Авторитет Порожняка среди своих и недругов резко вырос после того, как он собственноручно на глазах у братвы расправился с Рябым, претендовавшим на место вожака. О «японском танго» в исполнении Порожняка и Рябого стало известно не только в Запрудном, но и в Москве.

Воровской мир столицы одобрил такое поведение Саши. Один из лидеров «славян», вор в законе Шурик Захар, лично приехал в Запрудный выразить свое уважение.

Правда, такое поведение Шурика Захара, имевшего прочную репутацию нестигаемого борца против пиковой масти и одного из лидеров славянских воров, выглядело странным. Ведь на первый взгляд получалось, что таким образом Шурик Захар поощряет внутриславянские разборки.

Но не стоит забывать о том, какой сложный период жизни переживал тогда сам Шурик Захар.

Незадолго до этого в одной из московских дискотек был застрелен вор в законе Глобус. В воровской среде Глобуса презирали не только за его манеры беспредельщика, но и за то, что он открыто водил дружбу с лаврушниками.

Даже свою воровскую корону он получил с помощью крестивших его «пиковых». Глобус активно копал под Шурика Захара, пытаясь развенчать его в глазах воровской братии.

Поэтому Захара считали заказчиком убийства Глобуса. После выстрелов у спортком-плекса «Олимпийский», приведших к смерти Глобуса, Шурик Захар был вынужден на некоторое время уйти в тень.

Открытая война с кавказцами ему никак не фартила. Тем более что он занялся нефтяным бизнесом, в котором позиции лаврушников были традиционно сильны.

Скорее всего именно по этим причинам Шурик Захар отметил заслуги Порожняка в наведении порядка в Запрудном. И, по слухам, даже обещал посодействовать выдвижению Порожняка в кандидаты на воровской сан.

В свою очередь Айваз также отблагодарил лидера запрудненских «синих». В знак признательности перед Порожняком, не допустившим возникновения в Запрудном войны группировок, азербайджанцы передали ему контроль над частью своих доходов в Домодедовском аэропорту и на Ярославском вокзале.

Себе южане оставили только «билетный патент» – торговлю у касс билетами на железнодорожные и авиа рейсы.

После того, как домашние проблемы были улажены и бизнес потихоньку наладился, Саша Порожняк снова вернулся к прежнему образу жизни. Он много пил, менял подруг, пристрастился к травке.

Это увлечение стало приобретать все более опасный характер. Порожняк сильно похудел, зарос щетиной, глаза его порой лихорадочно блестели.

И вновь пренебрежение делами сыграло с Сашей злую шутку. А ведь его предупреждал сам Шурик Захар – не расслабляйся, не пускай все на самотек.

Обосновавшиеся в столице бомбилы и каталы оторвались от родных корней, стали все больше задирать нос. И хотя свою долю в родной общак они вносили постоянно, рознь между ними и запрудненской братвой все усиливалась.

А несколько недель назад это вылилось в драку со стрельбой. Вовремя успевшему на место происшествия Порожняку удалось замять дело. Ссора была улажена.

Кое-кто в городском отделе внутренних дел и прокуратуре получил приличные единовременные вознаграждения за закрытое и списанное в архив дело по фактам незаконного владения огнестрельным оружием.

Но сегодня Порожняку светила очередная неприятность. Приезжие и местная братва гужевали в ресторане «Жар-птица», который в Запрудном пользовался дурной репутацией.

В разгар кутежа снова стали выяснять, кто круче.

– А че, Самсон, – подзуживали братки, сидевшие за двумя сдвинутыми столами, – катни на счастье!

Над головами братвы, как, впрочем, и во всем ресторанном зале, колыхалось плотное облако табачного дыма. Звенела посуда, ее заглушал гомон голосов разгоряченной публики. Туда-сюда сновали официанты, разнося на подносах разбавленную водку.

Трое патрульных милиционеров вошли в зал, привычно скользнули глазами по столикам, переговорили о чем-то с администратором и метрдотелем и, покосившись на гулявшую братву, исчезли.

Кто-то из приезжих банщиков неуютно заерзал на стуле, увидев в зале милицейский наряд. Но уверенное поведение местной кентовки вселило спокойствие и в гостей.

В своей среде невзрачный на вид Малыш считался лучшим каталой, и для этого были веские основания: Малыш был карточным шулером в третьем поколении. Его дед и отец передали Малышу наследственный семейный бизнес.

Самсон же был карточным королем Запрудного, хотя и имел устрашающую внешность грозного громилы. Его толстые волосатые пальцы прекрасно чувствовали пометки на крапленых картах. Он умело растасовывал колоды, на глаз определял расположение в колоде меченых карт, неплохо владел другими шулерскими приемами.

Он не мог не откликнуться на вызов, брошенный ему каким-то сопливым пацаном.

– Давай катнем, на счастье.

Эта фраза Самсона означала, что он предлагает сыграть без подтасовок и шулерских приемов.

– Только стирами не твоими и не моими.

Они подозревали метрдотеля, и через минуту на столе лежала запечатанная колода карт. Братва тут же придвинулась к игрокам, шумно гремя стульями. Группировались, естественно, вокруг своих. Приезжие – рядом с Малышом, местные – возле Самсона.

– Во что катнем? – спросил Малыш.

Самсон пожал плечами.

– В «секу».

– Ладно, в «секу» так в «секу». Кто сдает? – лукаво улыбаясь, поинтересовался Малыш.

– Если играем на счастье, то не ты и не я, – не задумываясь, ответил Самсон.

– А кто, халдей? – насмешливо протянул Малыш.

– А че, пусть халдей сдаст, всех-то делов – по три карты.

– Сколько партий?

– Троечку.

– Годится, – сказал Малыш. – Только я без бабок не катаю.

– А то! Сколько ставим?

– Пятихатку.

– Лады.

На кон поставили по пятьсот тысяч. Самсон завернул к столу официанта, пробежавшего мимо с подносом, заставленным грязной посудой.

– Э, халдей, «секу» знаешь?

– Что, что, извиняюсь? – непонимающе переспросил официант – молодой парень с внешностью классического трактирного полового.

– «Сека» – игра есть такая в картишки, – пояснил Самсон. – «Московский дурачок» по-другому.

– Нет, не знаю.

– Ладно, тебе все равно до манды дверца. Да убери ты куда-нибудь эту парашу.

Недолго думая, официант поставил поднос с грязной посудой на соседний столик. Клиент, которому досталось такое нежданное счастье, попробовал было возмутиться, но быстро сообразил, что этого делать не следует.

Официант стал по правую руку от Самсона, как крупье в казино. Ему вручили запечатанную колоду и объяснили правила сдачи.

– Значит, так. Распечатываешь пачку, минуту шуруешь. Тасовать-то карты умеешь?

– Ну да, – пожал плечами официант.

– Потом даешь мне столкнуть. Сдаешь карту мне, карту ему, – Самсон показал на Малыша, – чтобы было по три у каждого. Когда партия закончена, снова шуруешь, снова даешь столкнуть, теперь уже ему. И так три раза. Догоняешь? Три партии играем.

Официант сделал все, как ему велели. Перетасовал, дал столкнуть, сдал карты.

– Чье слово? – спросил Малыш, ловкими профессиональными движениями сложив свои карты и посмотрев в них таким образом, чтобы не видели окружающие.

Самсон в свои карты пока не заглядывал.

– Пусть будет твое, – небрежно разрешил он.

– Продолжу «лимоном». – Малыш вальяжным движением вынул из кармана пачку купюр, отсчитал миллион и под одобрительные возгласы корешей бросил на стол.

Самсон сделал то же самое.

– Продолжу втемную.

– Самсон, ты б хоть в карты глянул, – забубнил кто-то над его ухом.

– Заткни поддувало. Знаю, что делаю.

Малыш продолжил игру, поставив на кон еще два с половиной миллиона – столько же, сколько уже было в банке. Самсон без тени сомнения ответил тем же.

Когда в банке было десять миллионов, Малыш на некоторое время задумался, а потом, потерев подбородок, сказал:

– Ладно, вскрываю.

Самсон неторопливо закурил, выдержал паузу и стал по одной открывать свои карты. У него оказалось тринадцать очков. У Малыша был единственный туз – одиннадцать очков.

Запруденские шумно загоготали, застучали кулаками по столу в знак одобрения.

– Во дает Самсон. Ну ништяк. За одну партию десять «лимонов» скошил.

За это местные дружно выпили. Гости, хоть и выглядели удрученными, от лишней рюмки тоже не отказались.

Судя по внешнему виду Малыша, он не придавал первому проигрышу никакого значения. Небрежно бросив карты на стол, он засмеялся, потом протянул руку к блюду с фруктами, отщипнул от ветки виноградину и бросил ее в рот.

Самсон, нагнувшись к столу, передвинул деньги из банка в свою сторону. Но по карманам рассовывать не стал.

Официант снова сдал карты. Малыш продолжил игру пятью миллионами. На сей раз Самсон не стал рисковать и глянул карту. Но так, чтобы никто из окружающих не видел.

– Отвечаю.

Он отсчитал пять миллионов и двинул их в банк. Малыш снова продолжил. Вскрывал Самсон, когда на кону было двадцать миллионов.

– Очко, – с торжествующим видом сказал он, выкладывая карты на стол.

Малыш немного подождет и с безразличным выражением лица перевернул карты рубашками вниз.

– Два лба, – выдохнул кто-то из местных.

Два туза, трефовый и бубновый, давали Малышу преимущество в одно очко. Двадцать миллионов передвинулись на другую сторону стола.

Счет по партиям сравнялся. Победителя должна была выявить третья, последняя, партия.

Самсон занервничал.

– Ты там шуруй как следует, – сказал он официанту, не отрывая глаз от колоды.

В ожидании сдачи Малыш сидел, опустив руки под стол. Его бесцветное лицо не выражало никаких эмоций.

В свою очередь Самсон тер вспотевшее лицо, ерзал на стуле, потом закурил. Последняя партия обещала крупный банк. Собственных денег Самсона на хорошую шпилевку могло и не хватить.

После сдачи он плотно сложил карты, поднес их к самым глазам и очень осторожно посмотрел.

– Вхожу двумя «лимонами».

Малыш, глянув карту, поднял ставку до десяти миллионов. Самсон стал судорожно шарить по карманам, доставая всю наличность. Денег не хватало.

– Корень, – обратился он через плечо к одному из братков, – дай лавэ. Возьму чистоган, сразу отдам.

На стол перед Самсоном шлепнулся толстый бумажник из черной кожи.

– Там только баксы, – сказал Корень. – На тачку копил.

Самсон отсчитал двадцать пять бумажек с изображением президента Франклина и бросил в банк.

– Две с половиной штуки ставлю.

Малыш явно намеревался продолжить игру, но кореша, которым не терпелось увидеть развязку, стали нетерпеливо подталкивать его локтями.

– Вскрывай, вскрывай, в банке уже десять штук баксов.

– Ладно, посмотрю я тебя, Самсон.

Малыш достал из заднего кармана собственный бумажник, набитый долларовой наличностью, отсчитал две с половиной тысячи долларов и швырнул их на стол. При этом он положил карты на стул под ногу.

Раскрасневшийся от возбуждения Самсон стал медленно переворачивать свои карты. Руки его заметно дрожали.

– Три шаперки.

Столпившиеся вокруг кореша взвыли от восторга:

– Ни хрена себе, тридцать два очка!

Это была почти максимальная выигрышная комбинация. Перебить ее могли только три туза.

Малыш молча пожевал губами, достал карты из-под бедра и стал по одной выкладывать их на стол.

– Лоб... Еще лоб... И еще лоб. Ну так что, Самсон, кто из нас лучше метает стирки?

– Во бля, – дружно выдохнули все собравшиеся вокруг.

Самсон, не веря своим глазам, наклонился над столом, долго смотрел на карты Малыша, потом откинулся на спинку стула. Погрузившись в состояние прострации, он смотрел в потолок, шевелил губами, будто что-то высчитывал.

Малыш тем временем собрал со стола все деньги, рассовал их по карманам и бросил несколько синих банкнот официанту, сдававшему карты.

Подельники шумно восхищались его победой, хлопали по плечам, в то время как на противоположной стороне стола воцарилось уныние.

– Да, бля, не подфартило Самсону...

– Но зато шпилевка была ништяковая.

– Халдей, – послышался голос Малыша, – еще конины. Я проставляю.

Официант, кивнув, сгреб с соседнего столика поднос с грязной посудой и бросился в подсобку. Малыш, сделав заказ, вышел из-за стола размяться.

Братва, опрокинув после такой напряженной игры по рюмке, дружно задымила. Про Самсона на некоторое время забыли. Он сидел набычившись, глаза его смотрели в одну точку.

Рядом с ним обхватил голову руками Корень. Еще несколько минут назад он был так близок к осуществлению своей мечты о собственных колесах.

Малыш, подтвердивший свою высокую репутацию наследственного каталы, прошелся вдоль столов. Его внимание привлекла смазливая девчонка в дальнем углу ресторанного зала.

Когда он проходил мимо, Корень неожиданно вскочил, выхватил из кармана выкидной нож и заорал:

– Хайло погромсаю! Сука, бабки верни!

На свету блеснуло лезвие, послышался грохот стульев. Братва повскакивала со своих мест, прервав гулянку.

Малыш с невероятной прытью прыгнул в сторону, закрываясь стулом.

– Э, ты че, малахольный? – закричал он.

Глаза Корня налились кровью. Он рванулся к Малышу, размахивая перед собой ножом.

– Урод, бля, колумбийский галстук сделаю! Рыло от уха до уха порежу, паскуда!

Кто-то повис у него на руке, пытаясь остановить почти неминуемую поножовщину.

– Стой! Ты чего?

– Да я же видел, как он стирь передернул! Самсона нагрел, меня нагрел!

– Кто передернул? – выкрикнул Малыш. – Фары протри!

Его пытались сдерживать свои.

– Не кипишуй! Он же нарытый, сам видишь.

– А мне по хрену, пусть за базар отвечает!

Нож у Корня отобрали, но он продолжал горячиться, вырывался из рук сдерживающей его братвы.

– Пацаны, гадом буду, у этого козла в жопнике стирки лежат! Когда они на последнюю партию пошли, он клешни под стол засунул. Откуда у него могли три лба взяться?

– Точно! – язвительно выкрикнул Малыш. – Три лба я у себя из жопы достал. А за козла...

– Ты, бля, докажи, что все по-честному. Выверни жопник! – крикнул кто-то из запруденских.

Приезжая братва поумолкла. Все одновременно воззрились на Малыша.

– Давай, докажи им.

Малыш стал затравленно озираться по сторонам.

– Вы че, братва, не верите? Мы ж на счастье катали, какие стирки?

Дело запахло керосином. Самсон, который до сих пор молча сидел за столом, внезапно поднялся и стукнул кулаком по углу столешницы. Зазвенела посуда, ресторанная публика, и без того напуганная, замерла.

– Где Порожняк? – прорычал Самсон. – Пусть разберется.

Глава 4

– Ты бы хоть сказал чего-нибудь.

Подцепив ухоженными ногтями очередную сигарету из длинной зеленой пачки, Катька сунула ее в уголок рта и демонстративно щелкнула зажигалкой: мол, от таких ухажеров знаков внимания не дождешься.

Долбан, отбойщик Порожняка, сидел напротив Катьки с таким видом, как будто неожиданно-негаданно угодил на скамью подсудимых.

В какой-то степени его можно было понять. Граждане вокруг оттягивались по полной программе. Водка, коньяк, шампанское лились рекой, из динамиков доносились звуки модного шлягера, перемешанные с женским смехом, суелились официанты, вынося горячие блюда и новые бутылки.

В общем, среди отдыхавших Долбан был единственным, кто находился на работе. Выпить нельзя, телку снять нельзя, даже похавать как следует в такой обстановке невозможно. Набьешь желудок – поневоле расслабишься. При такой работе, как у отбойщика, этого лучше не делать.

По всем вышеизложенным причинам Долбан сумрачно сидел, положив перед собой на стол раздутые от парафина кулаки. В ответ на замечание Катьки он только буркнул:

– А че?

– Ниче, – передразнила та, кривляясь, – хоть бы анекдот даме рассказал.

– Че без толку базарить? – не поднимая головы, протянул он.

– Тебя Саша зачем здесь оставил? – нравоучительно сказала блондинка. – Чтобы меня развлекать. А ты сидишь как пень. Расслабься.

– В другой раз.

– Вот Саша вернется, я ему все расскажу.

– А, – отмахнулся Долбан, – че я, клоун?

Повертев в руках опустевший стакан, Катька затушила сигарету и встала из-за стола.

– Ладно, пойду в бар, выпью что-нибудь. А то с тобой от тоски подохнуть можно. И не ходи за мной, понял? Я никуда не убегу.

Повесив на плечо сумочку, она вышла из кабинета, сопровождаемая тяжелым взглядом отбойщика. Не сводя взгляда с ее виляющих бедер, Долбан пересел к двери, откуда был хорошо виден бар.

Усевшись на высокий винтовой стул, подруга Саши Порожняка заказала себе коктейль, прикурила от услужливо поднесенной барменом зажигалки и окинула зал привычным выжидательно-оценивающим взглядом.

Собиравшийся здесь контингент по уровню благосостояния был явно выше среднего. Многие приходили с любовницами, кое-кто с женами. В общем, обстановка для свободной женщины не слишком благоприятная.

После того как Саша привез ее сюда и неожиданно смотался, оставив на попечение этого кретина с надутыми, как воздушные шары, кулаками, Катька Добрынина на вполне законных основаниях могла считать себя свободной женщиной. По крайней мере, на ближайшие пару часов.

Потягивая коктейль, она неторопливо курила и ждала проявления интереса к своей особе. Ее глаза рассеянно блуждали по рядам разнокалиберных бутылок с иностранными наклейками. Долго ждать не пришлось.

Изрядно поддавший посетитель, лет тридцати пяти, среднего роста и довольно крепкого телосложения, встал из-за столика в середине зала и, пошатываясь, направился к стойке бара. На его простом грубоватом лице заиграла похотливая улыбка.

Он сел на винтовой стул рядом с блондинкой и, развязно шелкнув пальцами, позвал бармена.

– Конины хочу.

– Какой предпочитаете? – уточнил бармен. – У нас есть грузинский, армянский, молдавский, лучших сортов. А также для ценителей «Наполеон», «Мартель», «Реми Мартен».

– Ладно, – отмахнулся посетитель, – ты мне баки не забивай. Я этой херни не просекаю. Че самое клевое?

– Я бы порекомендовал «Реми Мартен» с черной этикеткой – двенадцать лет выдержки, букет тончайший.

– Наливай, я сегодня гуляю.

Клиент пошарил по карманам коричневого замшевого пиджака, бросил на стойку ворох измятых банкнот. Потом он наклонился в сторону молча наблюдавшей за ним девицы.

– Надеюсь, дама не откажется со мной выпить? Угощаю от всей души.

Катка безразлично пожала плечами:

– Как хотите.

– Эй, человек, – оживился клиент, – разлей там на двоих.

Бармен откупорил небольшую черную бутылку с золотистыми буквами на этикетке, наполнил две рюмки, поставил их на стойку. Посетитель в замшевом пиджаке мгновенно осушил рюмку и отодвинул ее от себя:

– Повтори.

Катка тянула свой коньяк медленно, словно оценивая достоинства дорогого напитка. На самом деле ей было совершенно безразлично, что в рюмке: «Реми Мартен» или азербайджанский коньяк «Апшерон». Главное, чтобы угощение было дармовым.

– Впервые здесь? – спросила она, покосившись на открытую дверь кабинета, за которой маячила сумрачная физиономия Долбана.

– Угу, – промычал клиент, приложившись ко второй рюмке.

– То-то, я думаю, лицо незнакомое, – кокетливо улыбнулась Катка. – Вообще-то я здесь многих знаю. И меня тоже знают.

– Может, познакомимся? – облизывая губы после коньяка, спросил клиент. – Меня, это, Леней зовут.

– Екатерина.

– Че, так серьезно?

– Ну, Катя, – хихикнула она. – Но это только для близких знакомых.

– Так посидим еще минут пять и будем, это, – он хохотнул, – близкими знакомыми.

– Не знаю, не знаю, как получится.

– А че? – недоуменно спросил замшевый пиджак. – Еще налить?

– Не откажусь. Только... у меня уже есть пара на этот вечер.

Леня стал озираться по сторонам.

– Че-то я никого не просекаю.

– Он вышел на пару минут.

– Кто такой?

– Саша, – хитро улыбнувшись, сказала Катка. – Его здесь многие знают. Особенно те, кто раньше сидел.

Замшевый пиджак фыркнул:

– Ну и что? Я сам... это... из командировки недавно вернулся.

– Далеко где-нибудь были?

– На северах. А чей-то ты меня, как прокурор, на «вы» называешь?

– Так ведь мы еще не пили на брудершафт, – провокационно засмеялась блондинка.

– Щас будет сделано, – оживился Леня.

Еще несколько купюр перекачало из кармана замшевого пиджака в руки бармена.

– Повтори еще два раза. Дама хочет выпить на брудершафт.

Бармен выразительно посмотрел сначала на Катку, потом на Долбана, который уже испытывал явное желание разогнать скуку кулаками.

– На брудершафт не рекомендую.

– Че?

Замшевый пиджак с таким изумлением посмотрел на бармена, словно перед ним заговорила каменная статуя. А тот, не обращая внимания на клиента, сказал блондинке:

– Катерина, Саше это очень не понравится.

– Какой, бля, Саша! – взорвался клиент. – Я, бля, никакого Сашу, в натуре, не знаю! Ты чего, халдей, пасть разеваешь? Тебя кто спрашивает?

– Слышь, мужик, угомонись, – невозмутимо сказал бармен, – посидел рядом с девочкой и вали отсюда. Если Саша узнает...

– Пошел ты на хрен вместе со своим Сашей! Я сам, бля, круче любого Саши! Я уже весь район на уши поставил!

Пока клиент в замшевом пиджаке разорялся, бармен сделал едва заметное движение головой. Отбойщик, дождавшийся своего часа, тут же выскочил из кабинета и метнулся к стойке бара.

– Да мы с Рахитом, бля, тут весь город обуем! Вы еще все, пидоры гнойные, на цырлах перед нами бегать будете! Я, бля...

– Ты, козлина, дристан отсюда!

Огромный кулачище Долбана возник перед лицом разбушевавшегося клиента.

– Кто козлина? – задыхаясь от негодования, проговорил тот.

– У тебя че, шрапнель в ушах? Че шары вылупил?

– Да я, бля...

– Только не здесь! – выкрикнул бармен, быстрыми профессиональными движениями убирая со стойки посуду.

– Пошли выйдем!

Долбан схватил Леню за шиворот и потащил к выходу. Из-за столика в зале выскочил какой-то хлипкий субъект и, размахивая руками, заорал:

– Ленчик, бля, что за гнилые базары? Куда эта бычара тебя тащит?

У входа в зал мгновенно появилась охрана заведения – два крепких молодых человека с одинаковыми короткими стрижками и похожими, словно у близнецов, лицами. Их схожесть подчеркивала и одежда: черные брюки и синие рубашки с нашивками «Секьюрити» на рукавах.

Увидев, что происходит, они направились к повздорившим клиентам.

– Что случилось? – строго спросил один из охранников.

Отбойщик Саши Порожняка, тащивший своего соперника за полу замшевого пиджака, на мгновение остановился.

– Сами разберемся.

Охранники, хорошо знавшие в лицо и Порожняка, и его телохранителя, отступили в сторону.

– Только без лишнего шума. Нам тут ментов не надо.

– Какие менты? – взвился замшевый пиджак.

Долбан грубо толкнул его в плечо.

– Шевели копытами, сучара!

– Ты кого сучарой назвал, бык картонный? – взвизгнул хлипкий парнишка, торопившийся на помощь Ленчику. – Да я за брата...

– Умолкни, Рахит! Мы не в банке, без тебя справлюсь!

Но Рахит, пытаясь разорвать на груди рубашку, по-прежнему рвался на помощь:

– Вы че? Вы на кого наезжаете?

Охранники, переглянувшись между собой, тут же взяли парнишку под руки и вывели из зала.

– Пошли, проветришься.

Ленчик двинулся следом.

– Э, не троньте братишку!

– Нам твой братишка не нужен. Пусть воздухом подышит, остынет.

Так они и вышли во двор заведения – вначале охранники, тащившие Рахита, потом Ленчик, следом за ним Долбан. Подруга Саши Порожняка, из-за которой и началась вся эта заваруха, проводила мужчин безучастным взором и заказала у бармена новый коктейль.

– А ты разве не пойдешь с ними? – поинтересовался тот, наливая в высокий стакан мартини с соком.

– Да ну их, – вяло махнула она рукой. – Мне хотелось отдохнуть, потанцевать, а Саша оставил меня с этим идиотом, которому только кулаки почесать хочется.

– У него работа такая.

– А мне что за дело? Я культурно отдыхаю...

Глава 5

Белый «Мерседес» Саши Порожняка припарковался неподалеку от ресторана «Жар-птица». Местные мальчишки, промышлявшие мойкой автомобилей, с ведрами и мокрыми тряпками в руках тут же бросились к богатой иномарке.

Саша еще не успел открыть дверцу, как над ухом раздался звонкий голос:

– Машину помыть не надо? Всего десять тысяч.

– Отвалите.

Порожняк вышел из машины, бросил через открытое окно на сиденье мобильный телефон, на мгновение задержался, чтобы дать указание водителю:

– Зюзя, сиди тут. Я только рамсы разведу и назад.

– Ладно, шеф, только я в непонятке – че с этими пистолетами делать?

Зюзя кивнул в сторону подростков с ведрами.

– А че с ними делать? Пусть моют. Только зырь, чтобы краску на точиле не ободрали.

Получив добро, пацанва с энтузиазмом бросилась на «Мерседес».

Саша отправился в ресторан, не обращая внимания на милицейский «уазик», пристроившийся на тротуаре неподалеку от входа в питейное заведение.

У него не было основания опасаться патрульных ментов. Они для Порожняка были безобидней, чем мухи.

И в самом деле, любой конфликт с милицейскими низами можно быстро уладить, если у тебя есть связи в верхах. Кое-кто в руководстве городского УВД за последнее время неплохо подкормился на деньги братвы.

Порожняк увидел двух патрульных милиционеров в холле «Жар-птицы». Они что-то обсуждали с администратором, невысоким полным мужчиной с проплешиной на голове, то и дело утиравшим пот со лба измятым носовым платком.

При виде Порожняка администратор тут же кинулся к нему.

– Александр Захарович, как хорошо, что вы приехали, – с видимым облегчением произнес он. – Тут ваши ребята что-то не поделили, и я уже начал опасаться, что...

– На хрена тут менты? – брезгливо поморщившись, сказал Порожняк.

– Видите ли, Александр Захарович, я думал...

– Ты что, умный? – На губах Саши проскользнула презрительная усмешка. – Пускай отваливают. Я с пацанами сам разберусь.

– Вот и слава богу, – закивал администратор. – А то, знаете ли, у меня посетители стали разбегаться.

– Да пошел ты, – отмахнулся от него Порожняк и направился в зал.

Атмосфера в «Жар-птице» не предвещала ничего хорошего. Слышались возбужденные выкрики:

– Ты, бля, на Малыша не наезжай! Он, знаешь, какие филки за день делает?

– А хуля мне его филки? Пусть, бля, покажет, что у него в шкарах.

– А кто ты, бля, такой, чтобы, бля, перед тобой шкары выворачивать? Может, тебе еще, бля, на флейте поиграть?

Братва, увлеченная спором, даже не заметила появления Порожняка.

– Ша! – закричал он. – Все по-шустрому заткнули хавальники. Вы что – с катушек послетали?

Братва понемногу затихла, расступившись в стороны.

К моменту приезда Саши гулявшая в «Жар-птице» компания поделилась на две группы: местные и приезжие. Среди местных больше всех возмущался Корень, потерявший нехилые бабки. Виновник заварухи – Малыш – затесался за спины своих.

В поисках правды Корень тут же бросился к Порожняку:

– Мы тут мазу держим за воздух. Самсон и этот, бля, Малыш, катнули на счастье в «секу». Самсон катал по-честному, а этот, бля...

Порожняк сунул в рот сигарету. Кто-то из своих тут же шелкнул зажигалкой.

– Я не въехал. Какие непонятки? И че ты, Корень, мазаться полез? Пусть бы сами разводили.

– Да он Самсону бабки дал, а тот спустил.

– Да, бля, гадом буду, – начал божиться Корень, – у этого, бля, Малыша в жопнике лишние стирки есть. Когда они катали, я просек, как он под стол клешни засовывал. Че он там, суходрочкой занимался? У Самсона три шапетки было, а этот трех лбов передернул.

Порожняк обратился к Самсону, который сидел у края стола:

– Верно он базланит?

– А я почему знаю? – сумрачно ответил тот. – Я катал, а не дрочил.

– Да все это херня, – раздался голос Малыша.

Он вышел из-за спин своих парней и демонстративно широко развел руки.

– Корень, ты, бля, самый припухший, потому что сливать не умеешь. А у меня в шкафах ни одной стирки нет. На, проверь.

Корень нервно задержался.

– Да он уже кому-то из своих стирки скинул. У него уже ни хрена нет.

– Чем катали? – спросил Порожняк. – Стирами в натуре или цветухами?

– Цветухами, – ответил Малыш. – На счастье же решили катать. С натуральными стирками я бы его обул в один момент.

– Кто сдавал?

– Халдея взяли. Да я в натуре говорю, Порожняк, катали без приколов. Корень Самсону бабок дал, у того на ставку не хватало. Теперь возбужает.

Малыш вел себя смело, даже развязно, всем своим видом словно подчеркивая: мол, я – честный катала, и все тут. Ну, подфартило мне по-крупному, так ведь я и сам парень не промах, не зря столько лет и дед катал, и отец катал, и сам я с детства к карточной игре приучен. И ладно бы еще я сам сдавал, тогда, конечно, чем черт не шутит, руки сами могли что-нибудь этакое выкинуть: снизу колоды стирку метнуть или себе сдвоенную, а так...

Малыш рассчитывал на то, что Порожняк хоть и является местным авторитетом и держателем общака, которому бригада московских станочников-портовиков башляет за крышу, но в карточной игре такой же лох, как и любой командированный или отпускник в Домодедове.

Главное – сделать честные глаза и убедительное лицо.

Но Порожняк, несмотря на свой внешний вид, в людях кое-что понимал. Актерская игра Малыша его не убеждала. Он ни капли не сомневался в том, что Малыш играл на верняк. А значит, в игре без шулерства с его стороны не обошлось.

Порожняк, почти не скрывая, с презрением смотрел на свою кентовку.

Вот засранцы, хавальники красные, водяры нажрались, скоты, и тут их на шпилевку потянуло. Если б в этой кентовке была хоть одна трезвая голова, я бы сейчас в кабаке спокойно досиживал или Катюку по дивану валял. А тут, бля, разводи этих уродов. Нашли с кем катать.

Перед Порожняком стояла нелегкая задача: с одной стороны, Малыш, конечно, жульничал, тут и сомневаться не приходится, но ведь за руку-то его никто не схватил. А сейчас можешь хоть в шоколадницу ему залезть, ни хрена там не найдешь. Потому он такой и смелый, буром прет. Киданул, конечно, пацанов.

Но, с другой стороны, в общак-то станочники портовые по расписанию вносят бабульки, можно сказать, как дойные коровы. С моими-то не особо погужуешь, стоят, красавцы, морды ящиками. Да ведь и без них никуда не денешься. Эх, бля, жисть дает...

– Ну чего ты? – нетерпеливо воскликнул Корень, из-за пережитого позабыв о субординации.

– Заткни пасть! – оборвал его Порожняк. – На кого батон крошить собрался?

– Тихо ты! – зашикали на Корня остальные запрудненские.

Порожняк неторопливо докурил сигарету, чтобы выдержать паузу, и наконец вынес свой вердикт:

– Значит, так, пацаны, все путем. Откатали по-честному. И чтобы никаких наездов. Самсон, бабки, которые ты должен Корню, вернешь, я сам проверю. Больше чтоб не куролесили. Про шпилевку с гостями забыть. Вопросы есть?

Мальш торжествовал. Смерив запрудненских высокомерным взглядом, он повернулся к своим и незаметно подмигнул.

Самсон, заскрипев зубами, накатил себе рюмку водки и выпил. Корень пожал плечами. Запрудненские с недовольным видом стали рассаживаться за стол. Инцидент был исчерпан.

Порожняк развернулся и с видом человека, исполнившего свой долг, покинул ресторанный зал. Публика, настороженно следившая за разведением рамсов между братвой, с удвоенной энергией набросилась на выпивку и закуску.

Патрульные милиционеры и администратор, которые наблюдали за происходящим из вестибюля, проводили Порожняка почтительными взглядами.

Чуть замешкавшийся администратор все-таки успел распахнуть перед Сашей двери.

– Я вам так благодарен, – лебезил он, – в нашем заведении вы всегда будете почетным гостем. К вашим услугам любой столик в любое время и лучшая закуска.

– Да пошел ты, пидор, – сквозь зубы бросил Порожняк, покидая «Жар-птицу».

Он прошел к стоянке, где мальчишки с ведрами и тряпками заканчивали наводить блеск на белый «Мерседес». Сейчас они усиленно терли колпаки на колесах.

Зюзя, небрежно развалившись в кресле, пыхтел сигаретой. Увидев шефа, направляющегося к машине, водитель щелчком отбросил в сторону окурков и заорал на пацанов:

– Так, пистолеты, вон на хрен отсюда!

Мальчишки отступили от машины. Старший робко спросил:

– А деньги?

– Какие тебе, бля, деньги? Валите, пока целы!

Зюзя завел мотор, дождался, пока Порожняк сядет в кресло рядом с ним, и стал сдавать назад, чтобы выехать со стоянки.

– Ну как там, шеф? Развел?

– Развел, – поморщившись, сказал Порожняк.

– Значит, все ништяк, – радостно заключил Зюзя.

– Да, ништяк... говноеды, бля. Учишь их, учишь жизни, а толку, бля, как от яиц шерсти.

Ни хрена не врубаются.

Зюзя, желая подсластить горькую пилюлю, сочувственно кивнул.

– Они ж простые пацаны, шеф, что с них возьмешь? Куда колеса направим? Назад, в кабак? К Катерине?

– Нет, – покачал головой Порожняк, – на хату хочу, оттянуться надо после напряга.

Зюзя понимающе глянул на шефа.

– Да, после напряга неплохо бы ширнуться. Без расслабона крыша быстро съедет.

– Отвезешь меня, потом сгоняешь за Каткой, и на сегодня – все.

Глава 6

Долбан вытащил Ленчика на задний двор ресторана «Маленький принц» и прижал его к кирпичной стенке возле груды деревянных ящиков и поддонов, от которых распространялся явственный рыбный запах.

– Ну че, козлина, бля, – прорычал он, вперившись в Ленчика свирепым взглядом, – че ты там базланил?

– Клешни убери, сука, – зашипел Ленчик, – не знаешь, с кем связался!

– И с кем это я, бля, связался? – ощерился Долбан. – Ты че тут – центровой?

– Ты не просекаешь, кто за мной стоит. Отвали по-доброму.

Долбан даже опешил от такой неожиданности. Не в первый раз ему приходилось оказываться в подобной ситуации: чистил морды кабацким донжуанам, не обходившим своим вниманием Катку Добрынину, а то и случайным бедолагам, не вовремя оказавшимся на его пути.

Всякий раз дело заканчивалось несколькими чувствительными зуботычинами, да и только. Слишком уж раскисали соперники, почувствовав на себе тяжелую руку Долбана. Просили отпустить, бросались на колени, умоляли о пощаде – и такое бывало, пытались что-то объяснять, рассказывать, что ошиблись, не рассчитали своих сил, не поняли, с кем имеют дело.

А эта гнида в замшевом пиджаке мало того, что дергается, еще и угрожает. Может, и махаться вздумает?

– Ах ты, чмошник, – захрипел он, замахиваясь растопыренной пятерней на Ленчика.

– Не тронь! – заорал тот. – Не тронь, а то!

– А то что?

– А то тебе п...ц! Тебя, бля, попишут, в натуре!

– Это кто? – едва не задохнулся от ярости Долбан. – Кто меня попишет?

– Дед Пихто! – выкрикнул Ленчик, тщетно пытаясь сбросить с себя громадную руку Долбана. – Свали, бычара!

Изловчившись, он лягнул Долбана коленкой по шарам. Переполнявшая отбойщика ярость выплеснулась наружу. Он принялся дубасить Ленчика своими напарафиненными кулаками.

Не произнося ни слова, Долбан месил «замшевый пиджак» куда попало. Удары один за другим сыпались на Ленчика, который, скорчившись, сползал по стене вниз.

Злобно сопя, Долбан принялся топтать противника ногами.

– На, сука! – вырвалось у него.

Ленчик пытался закрываться от ударов руками, но Долбан раз за разом с тупым остервенением вонзал носок своего правого ботинка в извивающееся от боли тело. Слышались короткие стоны попеременно с глухими звуками ударов.

– Ну, бля, – еле шевеля разбитыми в кровь губами, проговорил Ленчик, – хана тебе.

– Заткнись, сука! Урою!

С садистским ожесточением Долбан врезал Ленчику ботинком по промежности. Тот взвыл, вытянувшись в струнку, потом конвульсивно согнулся и закрыл руками ушибленное место. Долбан, нагнувшись, врезал ему кулаком по голове.

Ленчик затих.

Тяжело дыша, Долбан наконец успокоился. Закончив экзекуцию, он отступил в сторону и присел на деревянный ящик, который заскрипел под тяжестью его веса.

– Падла, – качая головой, приговаривал он, – разозлил ты меня.

Только сейчас Долбан увидел, что его кулаки испачканы в крови. Подобрал кусок серой оберточной бумаги, он принялся вытирать руки.

Когда, скомкав побуревшую от крови бумагу, Долбан отбросил ее в сторону, Ленчик пошевелился и застонал.

– Че, козел, ожил? – сипло проговорил отбойщик. – Твое счастье.

Из двери, которая вела на задний двор, вышел охранник. Озабоченно посмотрев на валявшегося у стены Ленчика, охранник спросил у Долбана:

– Разобрались?

– Ага, – кивнул отбойщик. – Жалко, что не убил. Живучий, паскуда.

– Зачем убивать-то? – равнодушно сказал охранник. – Нам жмурики не нужны. Рыло ему почистил, и хватит. Сигарету хочешь?

Долбан кивнул. Охранник вытащил пачку «Уинстона», угостил Долбана и закурил сам.

– Там этот, братишка его, возбухал.

– Какой братишка? – непонимающе спросил Долбан.

– Второй, не помнишь, что ли?

– Да ну их на хрен обоих.

– Орал, что они с братом крутые, весь район на уши поставили, ахинею какую-то нес про то, что они банк взяли. Хрен его знает, может, они гастролеры какие-нибудь. В общем, мы его с напарником тоже утихомирили. И это... – Он умолк, как-то виновато глядя на Долбана.

– Чего?

– Я ментов вызвал.

– На хрена? – поднял голову Долбан.

– Да ты не волнуйся, я все на себя возьму. Сейчас они приедут, мы их в «воронок» закинем. А ментам скажу, что мы обоих с напарником отнесли. Мол, дебоширили, к клиентам приставали. В общем, все нормально будет. Пускай там с ними в обезьяннике разбираются.

– А... – протянул Долбан, – тогда ништяк. А то меня шеф с говном съест, если с ментами надо будет мазаться. И насчет Катьки смотри, чтоб все в елочку было.

– А какая Катька? – засмеялся охранник, пожимая плечами. – Я никакой Катьки не знаю. Мало ли у нас клиентов бывает. Пусть с этими ублюдками разбираются. А у нас все тик-так. Ты давай докуривай и возвращайся в зал. А я тут подежурю, пока «воронок» не приедет. Кстати, второго мы в подсобку закинули. От души ввалили.

* * *

За последний год Саша Порожняк поменял уже третью квартиру. В предыдущей, двухкомнатной, он не прожил и месяца.

Сама по себе прежняя квартира вполне удовлетворяла Сашу, но окна в ней выходили на юг, и с началом ясных солнечных дней жить там стало невозможно. Круглые сутки в ней стояла неимоверная духота.

Именно поэтому Саша поспешил избавиться от нее, как только появилась возможность. Когда общаковые бабки пополнились очередным взносом станочников, Саша обменял квартиру на большую с доплатой.

Разумеется, бумажными делами он не занимался. Только один раз приехал осмотреть жилплощадь, дал нужным людям бабок на оформление, ремонт и обстановку. Затем через пару недель перебрался жить в новую квартиру.

Он сразу же оценил преимущество жизни в старом кирпичном доме с толстыми стенами и высокими потолками: уют, спокойствие и тишина.

Братва, конечно, немного повозмущалась: все-таки Порожняк тратил общаковые бабки, предназначенные вовсе не для улучшения жилищных условий запрудненского авторитета, а для подогрева зон и материальной помощи только что откинувшимся, вернувшимся из отсидки.

Но Саша не обращал внимания на досужие разговоры, полагая, что болтовня скоро затихнет. Он и в мыслях допустить не мог, что кто-нибудь из его пацанов настучит на него московским ворам.

А хоть бы и настучали. Сейчас Саша Порожняк твердо контролировал запрудненскую братву и был абсолютно уверен в устойчивости своего положения.

Может быть, это было слишком самоуверенно с его стороны, ведь ничего вечного в этом мире нет. Однако Саша старался не утруждать себя мыслями о завтрашнем дне. «Выше головы не прыгнешь», – рассуждал он.

Чего надрываться? Главное, чтобы все было спокойно. Никаких войн с азерами, никаких разборок в собственной среде. А там глядишь, Шурик Захар это оценит и все-таки исполнит свое обещание насчет воровской короны.

Плохо, конечно, что сегодня гости из Москвы схлестнулись с запрудненскими. Слишком часто это стало происходить в последнее время. Однако на то и поставлен Порожняк смотрящим, чтобы все непонятки улаживать.

И все-таки какого нервного напряжения это стоит...

Зюзя отвез Порожняка домой и отправился в «Маленький принц» за Катькой.

Закрыв за собой бронированную дверь, Порожняк вошел в квартиру и, не снимая обуви, отправился на кухню. Он достал из ящика кухонного стола коробок с «планом», забил косяк, несколько раз с наслаждением затянулся сладким дымом и, почувствовав, как спадает напряжение, с блаженным видом прошел в большую, уютно обставленную комнату.

Плюхнувшись на мягкие подушки кожаного дивана, он сбросил на пол, устланный ворсистым ковром, туфли и взгромоздил ноги на круглый полированный столик орехового дерева.

Еще несколько глубоких затяжек дымом анаши – и Саша погрузился в состояние полного душевного спокойствия. Затушив окурочок косяка в круглой медной пепельнице, Порожняк откинул голову на спинку дивана и закрыл глаза.

Из наркотического оцепенения его вывел звонок в дверь. Порожняк открыл глаза, очумело огляделся по сторонам, помотал головой, стряхивая сладкий дурман, и направился в прихожую.

Открыв дверь, Порожняк увидел перед собой всхлипывающую Катюку, которая размазывала по щекам стекающую с ресниц тушь, и своего телохранителя, который сосредоточенно изучал носки ботинок.

– Че такое, Катюха? – сонным голосом спросил Порожняк. – Какая падла тебя расстроила?

– Это все он, – всхлипнула девчонка, кивая на Долбана. – Он мне вот что сделал.

Катюка показала пальцем на свою скулу. Там красовался приличный фингал. Порожняк обалдело посмотрел на разукрашенный фэйс своей подруги, потом отступил в сторону.

– Заходи.

Споткнувшись на пороге, она едва не упала в прихожей. Из уст ее вырвался громкий плач.

– Ну вот, видишь, что он со мной сделал? Я теперь даже ходить нормально не могу на каблуках. Бесчувственное животное, урод.

Она даже замахнулась на Долбана, но Порожняк оттащил ее в сторону.

– Да ладно тебе, – примирительным голосом сказал отбойщик. – Я же это... с кем не бывает.

– Да? С кем не бывает? – выкрикнула она. – Я тебе не алкаш какой-нибудь в подъезде, чтоб кулаками по лицу. Куда я теперь с этим синяком пойду?

Порожняк попытался взять ее за руку, но она вырвалась и, громко ругаясь, пошла в ванную.

Долбан, покрасневший как мальчишка, переминался с ноги на ногу. Если бы Порожняк не успел обкуриться, его ждала бы неминуемая взбучка.

Но Саше, пребывавшему в благостном расположении духа, не хотелось обламывать такой кайф.

– Ладно, – махнул он рукой, – пошли.

Заняв место на уютном диване, он закурил обычную сигарету и вяло сказал:

– Докладай.

Долбан, так и не осмелившийся сесть перед шефом, топтался на ворсистом ковре.

– Да так, бля, получилось, шеф. Я ж не... это... не специально.

– Че дальше?

– Шеф, так получилось.

Долбан, как напакостивший школьник, шмыгал носом и громадной ручищей тер лицо.

– Че ты долдонишь одно и то же, – лениво поморщился Порожняк. – Как было дело?

– Ты, шеф, когда с Зюзей свалил, я, это... с ней остался.

– Верно, – хмыкнул Порожняк. – Для чего ж я тебя оставил?

– Ага. Я, это, с ней сидел. Все как положено. Она там пила, а я, это... сидел. Потом она, типа, сказала, что ей, это, скучно. Че-то там захотела, не помню. Потанцевать, кажись. Шеф, ты на меня зекани. Ну че я, танцор, бля, пидарюга какой-нибудь, чтоб мудями трясти?

– Ладно, Долбан, какая к херу разница – мудями, не мудями. Дальше что?

– Ну, она там, это, пошла в бар. Че-то там заказала. Стала пить. А я за ней следил.

– Ты где был, возле нее?

– Не-а, там, в этом, кабинете. Она там, типа, сказала, что я ей мешаю. Потом к ней какой-то козел сел. Че-то там начал ей базланишь. Типа, там приставать или еще че. Я не знаю, мне халдей из бара махнул рукой. Ну я, это, пошел разбираться.

– Мудак ты, Долбан, хоть и взял я тебя отбойщиком. Сколько раз тебе можно повторять – не отпускай ты ее далеко. Все время будь рядом. Ты че, не просекаешь, какая она шмара? Ты че, кашалот тупой? Такая бикса и одна – к ней же каждое говно клеиться начнет. Сколько ты хавальников за последнее время из-за этого набил? Я, конечно, понимаю, что тебе в кайф.

– Шеф, но с Каткой же в первый раз.

– Ну да – в первый раз, – вяло передразнил Порожняк, – а у чувихи сразу факел под чичами выскочил. Тех подруг ты хоть не трогал.

– Нет. Ну, шеф, я ж понимаю. Так вышло – она сама полезла. Там, в общем, эта козлина к ней клеился. Ну я его вытащил на парашу, хотел дать пару раз по рылу, а он там че-то начал наезжать.

– Это как?

– Ну типа – я, бля, крутой, у меня тут все кругом на цырлах ходят, я тебя, бля, прибую. Шеф, ну ты ж просекаешь, я че, мог такое вытерпеть? Я его к стенке придавил, а он еще дергался. Типа – я тут весь район на уши поставил, и ты, бля, тоже будешь пайку хавать из толкана. В общем, я его, это, отп... ячил.

– Все верно, – одобрительно кивнул Порожняк.

– Там у него еще какой-то брат был, ну шибздик, в натуре. Я его даже не трогал. Охранники местные его отметили. Он там тоже орал, что какой он крутой, типа кассу взял.

– Кассу? Какую кассу? – Порожняк непонимающе насупил брови.

– Да они, в натуре, понты колотили. Короче, местные их ментам сдали, а про меня мусорюгам даже не базарили. В общем, все тик-так вышло.

– А че ж тогда у чувихи фара загорелась?

– Так это, слушай дальше, шеф. – Долбан немного приободрился. – Пока я там этого урода месил, Катка успела с каким-то азером склеиться.

– Че? – нахмурился Порожняк.

– В натуре, шеф, гадом буду. Шашлычник какой-то, падла. Я ж не тупой, шеф, я ж помню, что ты мне про азеров наказал. Я его не трогал, но так, по-простому только клешню сдавил. Он

там че-то запищал, а она, – Долбан кивнул в сторону ванной, откуда доносился плеск воды, – ни с того, ни с сего на меня кинулась. Орала на меня, что я дурак, клешню ему сломал, что, типа, он хороший, не пристававал. Но мне-то по херу, шеф, ты ж знаешь, пристававал или не пристававал. Мое дело – чтоб отвалили. А тут как раз менты на «воронке» прикатили. Мне, конечно, такая подляна не фартила. Ну я Катьку в охапку сгреб и потащил на выход. Зырнул на улицу – наш «мерс» подкатывает, и Зюзя там сидит. Катьку в тачку запихнул, и покатили. Только она лезть не хотела, ну пришлось ей... это... шеф, я ж тихонько.

Порожняк озадаченно потер лицо.

– То, что ты морду какому-то козлу набил, – это ладно. Это путем. А вот Катьку не надо было трогать.

Долбан опять скис.

– Шеф, ну виноват.

– А на хрена ты азеру клешню поломал? Они же, бля, суки, начнут возбухать. А мне с Айвазом война не нужна.

– Ну че мне теперь – перед ними на цырлах бегать? Извиняться?

– А хуля ты думал? Если что, Долбан, я за тебя мазаться не стану. Имей в виду – сам, бля, будешь ответ держать перед азерами.

– Шеф, – жалобно затынул Долбан, – да там какой-то куркуль-шашлычник. Айваз за него тоже воевать не станет.

– А если станет?

– Ну тогда и видно будет, а сейчас че дергаться?

– Ладно, хрен с тобой, вали. Я че-то сегодня за день устал.

Долбан, радуясь, что удалось избежать барского гнева, по-шустрому свинтился.

Порожняк, пошатываясь, снова сходил на кухню, достал заветный коробок с анашой и свернул еще один косяк.

Когда спустя несколько минут Катька вышла из ванной, Саша голый лежал на постели в спальне и, закатив глаза к потолку, широко улыбался.

– Сашенька, что с тобой? – ошеломленно спросила девица.

– Все ништяк, подруга, – поглаживая себя рукой по низу живота, засмеялся он.

Она огляделась по сторонам.

– А где этот дурак?

– Я его на хрен отправил.

– Наказал?

– А то. Давай, боруха, скидывай шмотье.

– Ну не знаю, Саша, – плаксиво затынула она. – После того, что случилось? Посмотри, на кого я похожа.

Он расслабленно повернул голову.

– А че? Все нормалек. Чисто.

– Да? Мне всю косметику пришлось смыть.

– Ну и правильно, – одобрил Порожняк. – Зато теперь мой елдак в губной помаде не вымажется. А то в прошлый раз сунул руку в трусы, достаю и во – он весь красный. Думал, бля, трепака подхватил. – Саша хрипло засмеялся.

– Фу, разве можно так грубо? – Катька жеманно передернула плечиками.

– Можно. Ну чего ты тянешь, Катюха?

– Я не хочу, – уперлась она.

– Да кинь дурное. Ты, может, ширнуться хочешь, так у меня там «колеса» есть и «план».

А, Катюха? Давай курнем, а потом тут такой цирк устроим.

Она брезгливо поджала губы.

– Я бы лучше выпила чего-нибудь.

– Так возьми там в баре. И давай, приходи по-шустрому. А то я сейчас вместо тебя с «Дунькой Кулаковой» буду трахаться. Так охота, мочи нет. Я ж тебя люблю, Катюха.

– Ой, ну хватит заливать, – хихикнула она.

– Не, в натуре. У меня всякие борухи были, ты ж знаешь. Но ты – самая клевая. Может, я даже женюсь на тебе.

– Хорошо, – смягчилась она, – сейчас приду. Только без меня ничего не делай. А то я тебя знаю, вечно куда-то торопишься.

Глава 7

Теплым июньским днем черный «Кадиллак», за рулем которого сидел Константин Панфилов, припарковался на стоянке в одном из московских спальных районов.

В нескольких десятках метров отсюда располагался дом, в котором скромно и неприметно жил человек, которого соседи принимали за обыкновенного пенсионера. И лишь немногие, среди которых был и Константин, знали, что пожилой сухощавый мужчина с коротко стриженными седыми волосами – вор в законе Артур.

Одно время Артур почти удалился от дел, хотя ему предлагали взять под свою опеку ребят, занимающихся конкретной работой.

Однако долгие годы, проведенные Артуром за решеткой, сказались на его здоровье, и пару лет он был вынужден следовать советам врачей, которые настоятельно рекомендовали Артуру воздержаться от всего, что может вызвать перегрузку нервной системы, не говоря уже о спиртном и табаке.

Мало кто мог упрекнуть Артура в желании забыть друзей, обособиться в своем узком мире. Людей, которые таким образом уходят из воровского мира, называют проشياками.

Несмотря на проблемы со здоровьем, Артур все-таки выполнял кое-какую работу. Время от времени возникали вопросы, которые только он в состоянии был решить.

Хотя Артур не мог похвастаться славянским происхождением, в упрек это ему никто не ставил. Он был слишком разумен, осторожен и гибок, не признавал воровской радикализм ни с какой стороны. Поэтому к его мнению прислушивались и славянские воры, и кавказцы.

Несмотря на то что Артур не принимал непосредственного участия в руководстве отдельными группировками, слово его ценилось высоко.

И все-таки он чувствовал, что бездарно теряет время. Бесценный опыт, накопленный за долгие годы лагерной жизни, нельзя было держать при себе. Да и воровской мир все сильнее испытывал потребность в людях, прошедших огонь и воду лагерного бытия.

В первую очередь это было связано с переменами в обществе. На уголовную арену вышло и прочно закрепилось на ней новое поколение. Молодые качки и пэтэушные недоросли, превратившиеся в отмороzkов, по любому поводу и без оного пускали в ход оружие.

Стремясь в общем хаосе урвать себе кусок пожирнее, они без тени сомнения отправляли на тот свет любого, кто хоть как-то мешал им, в том числе и воров старой формации.

С начала 90-х список погибших законников стал стремительно пополняться. Потери несли и «пиковые», и славяне. Среди тех, кого отправила на тот свет пуля наемного киллера, оказались и личные друзья Артура – Квежо, руководивший грузинской группировкой, Арсен Микеладзе, Гога Ереванский.

Многим ворам пришлось под давлением бандитской среды уехать за границу.

В рядах воров-законников наступило некоторое смятение. Беспредел со стороны молодых отмороzkов продолжался, одно убийство следовало за другим. Практически все они оставались нераскрытыми.

В прежние времена каждый, кто осмелился поднять руку на коронованного авторитета, неизбежно удостоивался смертного приговора. Скрыться от него было невозможно. Его привели бы в исполнение и на воле, и на «общаке», и на «строгаче», и даже на «крытке».

Эту задачу выполняли специально отобранные «гладиаторы».

Теперь же все было по-другому. Над воровским миром нависла тень заката. Молодые беспредельщики были неуправляемы. С мнением законников не считались, полагая, что наличие седьмой модели «БМВ», пары «калашниковых» и помповиков достаточно для того, чтобы диктовать свои законы.

Тех же, кто пытался учить их уму-разуму и прививать этику блатного поведения, они без раздумий расстреливали, взрывали, резали и сжигали.

Только консолидация воровских сил могла принести успех в борьбе уже не просто за место под солнцем, а за выживание. Для этого необходимо было, несмотря на разногласия, искать общий язык между «пиковыми» и славянами, хотя бы на время позабыть о расправах и дать бой качаным быкам.

Начиналось новое восхождение законников на уголовный олимп.

В этой борьбе не на жизнь, а на смерть ценился каждый человек. Артур снова влился в ряды действующих жуликов.

Проблемы со здоровьем как-то сами собой забылись. По крайней мере, сейчас Артур уже не прислушивался к каждому сбою в работе сердечной мышцы, каждому приступу желудочной боли и печеночных колик.

Его образ жизни претерпел некоторые изменения. Больше времени приходилось проводить вне дома, завелась и машина «Волга».

Правда, сам Артур за руль никогда не садился. Для этого у него был шофер. В любой момент по звонку автомобиль прибывал в назначенное место.

Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания, Артур никогда не заказывал машину прямо к подъезду. Он садился в «Волгу» в двух-трех кварталах от своего дома. Таким же образом возвращался домой. И никогда не изменял этому правилу.

Он всегда должен выглядеть обычным пенсионером, возвращающимся с прогулки.

Конечно, Артур отдавал себе отчет в том, что в милицейских оперативках рано или поздно появится его имя. Однако он не мог изменить себе. Скромность была для него не вынужденной конспиративной мерой, а чертой характера, по нынешним временам редкой даже среди настоящих бродяг.

Артура вовсе не вдохновлял пример держателя общероссийского общака Паши Цируля. Паша Цируль жил на громадной вилле в подмосковном городе Жостово, держал в подземном гараже три «Мерседеса», обставил дом дорогой мебелью и нашпиговал электроникой.

Артур, хоть и не одобрял такого поведения «общероссийского старосты», но и своего возмущения, по крайней мере вслух, не выражал.

Однажды он сказал кому-то из своих близких друзей по поводу Цируля: «Что взять с бывшего гопстопника, он и по-русски-то толком разговаривать не умеет, одна матерщина. Нравится ему, пусть гуляет. Недолго осталось. Насколько я знаю, Паша прочно сидит на игле. А это до добра не доведет».

Круглую дату в своей биографии Артур даже не собирался отмечать, но затем под давлением друзей сдался.

Мысли о пышном застолье и множестве званных гостей он отменил сразу. Решил посидеть в узком кругу среди самых близких друзей в каком-нибудь хорошем ресторане. Выбор пал на «Райский уголок».

Этот небольшой уютный ресторанчик на улице Куусинена порекомендовал Артуру один из его давних знакомых – известный законник Шакро. Он также был среди приглашенных на празднование юбилея Артура.

Однако за пару дней до этого славного события Шакро замели оперативники московского РУОПа. О том, почему это произошло, пока никто ничего толком не знал. По слухам, у Шакро нашли то ли наркотики, то ли газовый пистолет, переделанный под стрельбу боевыми патронами.

Как бы то ни было, вечеринка в честь дня рождения Артура была уже назначена, и отменить ее был не в силах даже РУОП.

Константин приехал к Артуру пораньше, чтобы в спокойной домашней обстановке поговорить по душам, узнать, чем живет Старик, как он уважительно называл человека, с которым были связаны драматические страницы его биографии.

В прихожей небольшой двухкомнатной квартиры Артура они сердечно обнялись.

– Здравствуй, дорогой, здравствуй, – приветствовал Артур Константина. – Рад тебя видеть.

– Мир дому твоему, Артур. Как живешь? Как здоровье?

– Здоровье как воздух, – засмеялся Старик, – замечаешь только его отсутствие. Проходи, дорогой. Можешь разуться, надеть тапочки. У меня тут все по-домашнему.

Несмотря на то что разговор еще не начался, Константин сразу отметил поразительные перемены в облике и поведении Артура.

Еще несколько месяцев назад Панфилов видел перед собой уставшего от жизни, занятого своими внутренними проблемами человека, который с глубоким беспокойством и отчасти обреченностью взирал на окружающий мир.

Теперь же старый вор приободрился, был энергичен и деятелен. Лицо его порозовело, морщины разгладились.

Вначале они прошли на кухню. Артур сразу же поставил на плиту кофейник.

– Тебе, конечно, кофе, Жиган?

– Мои привычки ты хорошо знаешь, – улыбнулся Панфилов. – Кофе, и покрепче.

– У меня есть хороший – «Якобс». Могу предложить для поднятия тонуса немножко коньячку к кофе. Французского у меня нет, но есть замечательный молдавский коньяк «Виктория». Пил когда-нибудь такой?

– Нет, – честно признался Панфилов, – я и названия-то такого не слышал.

– Ничего удивительного, редкая вещь. Говорят, что его так называли в честь жены Брежнева. И сам он очень любил этот напиток. Не знаю, правда это или нет, но коньяк отменный. Двадцать пять лет выдержки, между прочим.

– Хороший срок.

– Это верно. Уж в чем в чем, а в сроках я разбираться за свою жизнь научился, – пошутил Артур. – Вот, взгляни.

Он достал из кухонного шкафа широкий пустой бокал и протянул его Жигану.

– Это что такое?

– А ты понюхай, – загадочно прищурился Артур.

Панфилов потянул носом, потом хмыкнул.

– Ты что, недавно отсюда коньяк пил?

– Густо пахнет, правда? А ведь в этом бокале «Виктории» не было три дня. Представляешь, три дня назад выпил немножко, а аромат держится до сих пор.

– Не могу поверить, – искренне изумился Константин.

– Сейчас попробуешь,веришь. Ведь настоящий расцвет коньяка наступает в двадцать пять лет. Все оттенки начинаешь чувствовать. Кофе готов.

Артур налил Константину большую чашку густого черного напитка, захватил с собой бутылку, два бокала, и они прошли в комнату, где уселись на диван.

– Погоди-ка секундочку. – Артур достал из-за спины пульт дистанционного управления, включил стереосистему. Приглушенно зазвучал нервный саксофон Чарли Паркера.

Панфилов тут же вспомнил о подарке, который лежал у него в дорожной сумке, оставленной в прихожей.

– Чуть не забыл. Извини, я на минуту.

Он вышел в прихожую, открыл сумку, зашелестел упаковкой, через несколько мгновений вернулся.

– Артур, это маленький презент тебе, чисто от души. Есть у меня и еще кое-что, но это позднее, в торжественной обстановке.

Артур вначале с удивлением посмотрел на подарок, затем на Константина.

– Джазовая коллекция Фрэнка Синатры? Насколько я знаю, такие записи в магазине просто так не купишь.

– Да, – улыбнулся Константин, – пришлось напрямь американских знакомых.

– Спасибо, – расчувствовался Старик. – В фантазии тебе не откажешь.

Он сразу же распечатал коробку, достал один из дисков, установил в стереосистему. Комнату наполнил бархатный голос Синатры.

– Давай выпьем за джаз, – предложил Артур, разливая коньяк по бокалам.

– Первый тост положено за именинника.

– Брось, Жиган, к чему нам эти условности. Вот сядем за стол в «Райском уголке», тогда вот и произносите тосты за здоровье именинника, а сейчас я хочу выпить за то, что мне больше всего нравится. За джаз. Дай бог здоровья Синатре. Только погоди, Жиган, не торопись. Этот коньяк нельзя пить быстро. Чтобы почувствовать все его оттенки, нужно разогреть бокал в руках, а потом вдыхать минуты две-три аромат. Давай-давай, приучайся.

Панфилов поступил так, как советовал ему Артур.

– Коньяк нужно вначале согреть в ладонях, только тогда можно по-настоящему ощутить его аромат. Букет чувствуется тем лучше, чем коньяк становится теплее. Держи ладонями бокал и побалтывай. Да, вот так. Видишь, как он стекает по стенкам медленно, густыми пятнами. Настоящий коньяк должен стекать по стенкам бокала как масло. Должны оставаться следы. Теперь вдыхай аромат. Ну как?

– Бесподобно.

– Чувствуешь, сколько в нем оттенков? Хватит. Теперь делай глоток и очень медленно перекачивай его между небом и языком.

– Да, – сделав глоток, кивнул Константин, – коньяк отличный.

– Знаешь, с тех пор, как я активно занялся делами, здоровье сразу пошло на поправку. Ты, Жиган, еще молодой, тебе неведомо это мерзкое ощущение старческого бессилия. Когда многого хочется, а ты держишь вот здесь, – Артур показал пальцем на темечко, – только рекомендации врачей. Слава богу, этот этап я прошел.

Константин допил коньяк, отставил бокал в сторону, сделал несколько глотков горячего кофе.

– Хорошая штука. Не возражаешь, если я закурю?

– Дыми, мне это уже не вредит.

– Значит, окончательно плюнул на врачей?

– Да, и чувствую себя прекрасно. Теперь я понимаю, что нас держит в этой жизни. Только дело. Оно позволяет не раскисать, быть в форме.

– Что ж должно было случиться, чтоб заставить тебя вернуться к делам?

Артур посерьезнел.

– Многого случилось, очень многое. А если в двух словах – неблагоприятное развитие событий в нашем мире. После того как молодежь стала оттеснять старых воров от дел, все пошло наперекосяк. Перестали соблюдаться воровские традиции, повсюду попер беспредел, и главное – никому не известно, что будет завтра. Дальше отступать некуда. В конце концов, скажи мне честно, Жиган, ради этого ли мы столько парились на зонах? Мы всегда старались решать вопросы по справедливости. Нас не могли сломать ни опера, ни большие деньги. Мы должны вернуть уважение к себе и поставить отмороzków на место.

– Это непросто, – вздохнул Жиган.

– А разве просто было погасить бунт в нашей зоне? Помнишь, когда ты спас мне жизнь? – возбужденно заговорил Артур. – Разве просто было утихомирить несколько тысяч разбуше-

вавшихся мужиков? Разве просто было сохранить свой авторитет? А ты? Разве просто было тебе выжить?

– Там все было понятнее, почти как на войне. Были враги...

– ...но не было друзей, – закончил за него Артур. – Ты воевал в одиночку.

– Ну, не совсем один...

Константин вспомнил своего соседа по шконке снизу – Василия со смешной погонялой Рикша. Простой зек, работяга из «мужиков», Рикша смог найти в себе мужество рискнуть жизнью. Жаль только, погиб глупо.

– Давай-ка нальем еще раз, – серьезно сказал Константин. – Хочу выпить за одного человека, которому я многим обязан.

На сей раз он выпил коньяк, не смакуя и не вдыхая аромат, – одним глотком.

Еще немного посидели, помолчали, каждый о своем.

Синатра в дуэте с Эллой Фицджеральд пел что-то о любви.

Наконец Артур взглянул на часы.

– Пора собираться, Жиган. Я сейчас переоденусь и вызову машину. У меня теперь «Волга», черная, – засмеялся он. – Помнишь, как в прежние времена у больших начальников? Ты пока допивай кофе, не торопись.

Глава 8

Артур и Жиган приехали в ресторан «Райский уголок» чуть раньше остальных гостей. У входа их встретил импозантный молодой мужчина с бэджом «Администратор» на строгом темном костюме.

– Добро пожаловать в наш ресторан, – приветствовал он Артура. – Ваш кабинет готов. Пожалуйста, пройдите за мной.

Вскоре они оказались в довольно просторном помещении со стенами, покрытыми дубовыми панелями, и большим круглым столом, вокруг которого были расставлены шесть стульев с высокими спинками.

Стол был сервирован для приема гостей: шампанское «Моэт», коньяк «Мартель», водка «Абсолют», минеральная вода «Перье». Шампанское, как и положено, стояло в ярко начищенном ведре со льдом, бутылки минеральной, очевидно, только что из холодильника, покрылись испариной, белоснежная скатерть была украшена вышивкой по краям.

Кроме напитков, на столе был и сервиз из дорогого английского фарфора, хрустальные бокалы и рюмки, а также небольшая металлическая ваза с полевыми цветами.

Артур и Жиган сели рядом. Константин с улыбкой посмотрел на вазу, а Артур пояснил:

– Это я попросил. Не люблю я этих роз, гвоздик и ребят попросил, чтобы ничего такого не приносили. Слишком много похорон видел в последнее время, поэтому охапки цветов вызывают у меня неприятные ассоциации. Минеральной хочешь?

– Нет, спасибо, – отказался Панфилов.

– А я вот люблю минеральную воду, особенно «Перье». «Нарзан», конечно, тоже неплох, но «Перье» с лимоном напоминает мне о чем-то непржитом. Что-то такое дивное, из другой жизни.

Друзья Артура прибыли почти одновременно. Первым появился невысокий, но молодой и подтянутый кавказец, одетый, как и виновник торжества, в строгий черный костюм и белую сорочку, при галстук. На вид ему можно было дать не больше сорока. Когда чуть позже Константин узнал, что гостю уже за пятьдесят, он был немало удивлен.

После традиционного рукопожатия и дружеских объятий Артур представил Константину друга:

– Гурам. Это Костя – я его больше знаю как Жигана. К сожалению, крестил не я, но погоняло точное.

Гурам разговаривал с едва заметным грузинским акцентом, как, впрочем, и следующий друг Артура, который пришел почти сразу же после Гурама, – Валера Кутаисский, как представил его Артур.

Валера был примерно одного возраста с Артуром, но выглядел его прямой противоположностью.

Невысокого роста, грузный, с солидным брюшком, основательной лысиной, которую он то и дело промокал носовым платком, круглым лицом с мясистыми губами и крупным носом с горбинкой – ни дать ни взять, партийный функционер.

Валера Кутаисский был крупной фигурой в определенных московских кругах. Жигану несколько раз доводилось слышать о нем не только от Артура. Коронован он был давно, а свой первый срок получил еще много лет назад за «скок» – квартирную кражу.

– Погода как у нас на Кавказе, – засмеялся он, усаживаясь на отведенное для него за столом место и с шумным сопением утирая пот. – Но на юге дышится легко. Воздуха много, простор. Не люблю московские каменные джунгли летом.

– Обычно Валера в такое время отдыхает где-нибудь у моря, – объяснил Артур с улыбкой. – Но по моей просьбе задержался.

– Разве я мог проявить неуважение к старому другу? А, генацвале Костя? Жаль только, что Артур не разрешил преподнести ему настоящие подарки от всего сердца.

– Я тебя знаю, – откликнулся Артур, потягивая минеральную воду. – Если бы не мой запрет, ты б притащил в этот ресторан скаковую лошадь. Костя, знаешь, у него, между прочим, собственная конюшня в Подмосковье.

В ответ Валера загадочно улыбнулся и развел руками:

– Артур, с тобой трудно разговаривать, ты видишь людей насквозь.

– То же самое можно сказать и о тебе, Валера, – добавил Гурам.

– Э, Гурамчик, дорогой, – отмахнулся тот, – мы собрались здесь для того, чтобы делать комплименты дорогому юбиляру, он это заслужил.

Спустя несколько минут были заполнены еще два пустовавших места. Эти гости прибыли с огромным букетом орхидей.

– Боря, – укоризненно сказал Артур, обращаясь к прибывшим, – Славик, я же просил, чтобы без цветов и крупных подарков.

Боря был маленьким вертлявым субъектом с очень подвижным лицом, на котором мгновенно отражались самые разнообразные эмоции. Только что он был веселым радушным гостем, и тут же сама печаль.

– Дорогой мой Артурчик, неужели мы так обидели тебя? Ты посмотри, нет, ты только посмотри, какая это красота. Знаешь, ехал по Тверской-Ямской, вот увидел в витрине цветочного магазина и не смог удержаться. Тут же, тут же остановился и послал людей. А Славик ни при чем. Нет, он, конечно, при чем, это от нас обоих, я в том смысле, что он тоже выразил свое восхищение этим букетом. Ты посмотри, какая прелесть, Артурчик.

Словоохотливый Боря мог бы продолжать говорить бесконечно, но Артур жестом прервал его:

– Хорошо, хорошо, я верю.

За исключением Константина все остальные гости Артура хорошо знали друг друга.

– Костя, познакомься, это Борис Исаакович. Для тех, кто сидит за этим столом, просто Туз. И наконец, Вячеслав. Для некоторых – Соболев.

Вячеслав был самым импозантным среди гостей. Высокий, седой, осанистый, всем своим внешним видом – холеным ухоженным лицом, как-то по-особенному элегантно сидящим костюмом, модным галстуком, аккуратной прической, над которой, судя по всему, потрудился дорогой мастер, и в особенности тростью с резным набалдашником, изображавшим голову тигра, – Соболев напоминал наследственного аристократа, каким-то непонятным образом угодившего в небольшой московский рестораник.

Немедленно появились официанты, которые аккуратно и сноровисто расставили на столе закуски, открыли бутылки со спиртным, разлили по бокалам шампанское. Выполнив свою работу, они тут же исчезли, оставив клиентов наслаждаться праздником в узком кругу.

Взяв бокал с шампанским, Артур встал из-за стола.

– Сидите, друзья мои, сидите. Я, с вашего позволения, на правах именинника поднимаю этот бокал за вас, за моих настоящих преданных друзей. Каждому из вас я многим обязан в этой жизни. Жаль, что с нами нет еще одного настоящего человека, вы знаете, о ком я говорю. Надеюсь, что мелкие неприятности, которые случились с ним, быстро закончатся.

– Закончатся, закончатся, – в своей торопливой манере добавил Боря Туз. – Я уже позаботился об адвокатах.

– За вас, друзья мои, – поклонился Артур.

Гости одобрительно зашумели, подняли бокалы. Выпили.

Затем первым со стороны гостей слово взял Валера Кутаисский:

– Там, где я родился, в честь именинников любят произносить такой тост. Две лошади паслись на прекрасном горном лугу. Одна из них – дивный скакун, в серых яблоках жеребец.

Рядом – рабочая лошадь, обычная, гнедая, изнуренная тяжелой работой, с нечесаной гривой и нестриженным хвостом. Ударил гром, разразилась гроза, засверкали молнии. Резвый нетерпеливый скакун бросился бежать к единственному дереву на склоне горы, чтобы под ним укрыться от суровой грозы. Гнедая посмотрела ему вслед и тяжело вздохнула. Она была уже немолода, и сил у нее не хватало, чтобы гнаться за серым в яблоках жеребцом. Но в ту минуту, когда скакун оказался под кроной дерева, в нее ударила молния. Так выпьем же, друзья мои, за мудрость, которая приходит с годами, за мудрость, которая состоит не в том, чтобы быстро бежать, а в том, чтобы знать, нужно ли это делать!

– Не мог все-таки без лошадей обойтись, – засмеялся Артур, выпив шампанского после тоста Валеры.

– Это еще не все, – продолжил тот. – Хоть ты и просил не делать тебе крупных подарков, но я осмелился нарушить твой запрет. Хочу, дорогой генацвале Артур, сообщить тебе, что ты являешься владельцем одного из лучших скакунов моей конюшни.

Валера Кутаисский достал из внутреннего кармана пиджака портмоне, вынул оттуда цветной фотоснимок и протянул его Артуру:

– Теперь этот красавец будет зарабатывать деньги на бегах для тебя. Ахалтекинец чистых кровей, зовут Туркмен. Можешь в любое время приезжать к нему в гости. Надеюсь, что и на бегах мы будем видеться с тобой теперь, дорогой мой Артур, чаще.

Гости заплотировали. Польщенный Артур долго смотрел на снимок, потом отложил его в сторону и опустил голову.

Жиган, сидевший рядом, увидел на глазах у юбиляра слезы.

После небольшого перерыва, когда гости закусывали, виновника торжества поздравил Гурам. Последовал еще один цветистый кавказский тост, после чего Гурам торжественно снял с пальца перстень с внушительным, на пару карат, бриллиантом, и преподнес его Артуру.

– Этот перстень ручной работы, – объяснил он. – Недавно я был в Амстердаме. Как вы знаете, это ювелирная столица Европы, нет, пожалуй, всего мира. Зная о том, что у моего друга скоро юбилей, я выбрал южноафриканский бриллиант, заказал огранку октаэдрической формы и вставил его в оправу из золота и платины. Уверяю тебя, Артур, это не предмет роскоши, это всего лишь знак уважения.

– Благодарю, Гурам, – сказал Артур, надевая перстень на безымянный палец правой руки. – Вы знаете, друзья мои, что я всегда спокойно относился к таким игрушкам. Но то, что получено из ваших рук, ничего, кроме слов признательности, вызвать не может.

Когда настал черед Бори Туза, по лицам присутствующих Жиган заметил, что все готовится выслушать длинную многословную речь. Так оно и вышло.

– Сейчас, когда мы все собрались в этом уютном ресторанчике для того, чтобы отметить круглую дату в жизни нашего большого друга Артура, я хотел бы вернуться на несколько лет назад, когда мне, тогда еще скромному кандидату экономических наук, посчастливилось познакомиться с юбиляром. Только-только приоткрылось окошко, через которое в нашу жизнь проник воздух свободы. Я и еще несколько моих приятелей решили создать банк. Все вы знаете, сколь трудно делать первые шаги на подобном поприще. Мы с огромным трудом наскребли первоначальный капитал и начали работать. Финансовые потоки, проходившие через наш банк, своей скудостью напоминали тонкие, готовые вот-вот пересохнуть ручейки. И тогда счастливый случай в лице нашего общего друга Шакро-старшего свел меня с уважаемым Артуром. Я рассказал ему о наших трудностях, и Артур обещал помочь. Помощь не заставила себя долго ждать. Свои счета в нашем банке разместили сразу несколько нефтяных компаний. Вы сами понимаете, что это значило в свое время. Лично я обязан Артуру еще несколькими услугами. А один раз он, безусловно, спас мне жизнь, предупредив о планах конкурентов. Всем понятно, что в финансовой сфере, которой я занимаюсь, информация подобного рода бесценна. Безусловно, я счастлив, что могу присутствовать сегодня здесь и выразить слова бла-

годарности такому выдающемуся человеку. Долгих лет жизни тебе, Артур, и подарок от нас со Славой. Все здесь присутствующие, наверное, знаете, может быть, за исключением нашего нового молодого знакомого Кости, что Слава теперь живет в Испании. У него особняк на берегу Средиземного моря, в прекрасном курортном местечке под Барселоной. Мы приглашаем тебя, дорогой Артур, отдохнуть этим летом в любое удобное для тебя время у Славы Соболя. Вот билет авиакомпании «Иберия» на рейс до Барселоны в «люкс»-классе с открытой датой. А чтобы ты не чувствовал себя стесненным, мы преподносим тебе эту пластиковую магнитную карточку, которая займет лишь маленькое отделение в твоём бумажнике. Но стоит она двадцать пять тысяч долларов.

Артур смущенно покачал головой, принимая подарки.

– Похоже, я прямо на глазах превращаюсь из босяка в жирного кота.

– Не пугайся, дорогой. Тебе с твоей комплекцией это не угрожает, – под общий смех успокоил Артура Валера Кутаисский. – Посмотри на меня, генацвале, и ты поймешь, кто настоящий жирный кот.

Очередь наконец дошла и до самого младшего за столом Константина Панфилова.

– Судьба свела нас с Артуром за решкой, – сказал он и тут же поправился, чувствуя, что разговаривать на блатной фене в этой компании не принято, – за решеткой, в колонии. Я считаю, что всем, что у меня сейчас есть, я обязан этому человеку. Может быть, он думает по-другому, но я-то знаю это наверняка. Боюсь только, что мой подарок немного опоздал.

Он вынул из внутреннего кармана пиджака и положил на стол перед Артуром небольшой продолговатый конверт.

– Здесь полностью оплаченная путевка на полный курс лечения в швейцарской клинике. Но сегодня я вижу рядом с собой абсолютно здорового, полного сил и желания жить человека. Хочу выпить за то, чтобы о моем подарке он не вспоминал еще лет двадцать...

Глава 9

Немногие из нынешних знакомых Николая Кураева, спроси их об этом, могли бы назвать его имя, а уж тем более фамилию. Блатной мир, живущий по своим законам, презрительно относится к таким условностям.

Да и в самом деле, какое значение имеет имя, данное человеку родителями после рождения – Коля, Миша, Саша, – не все ли равно? Теория о том, что имя определяет черты характера, способности, образ жизни человека, среди братвы популярностью не пользуется.

В соответствии с этой теорией имя Николай ничего не означает.

Зато запрудненские «синие» хорошо знали пацана с погонялой Долбан – чуть кургузого, плечистого парнишку с напарафиненными кулаками, которого выбрал своим отбойщиком Саша Порожняк.

Даже среди своих эта известность, однако, вовсе не означала уважение. Да и за что, собственно, уважать? Ничего героического в биографии Николая Кураева не было.

После школы-восьмилетки он поступил в ПТУ на самую что ни на есть рабочую специальность – слесаря. Но ни учиться, ни работать ему никогда не нравилось.

Правда, в ПТУ был хороший спортзал с тренажерами, и Николай принялся с похвальным упорством качать железо. Силу, приобретенную после таких занятий, он стал успешно пробовать на ближних.

Несколько раз ему все это сходило с рук. Но однажды крупно не повезло. На дискотеке в городском парке он основательно отмесил какого-то мажора. Тот оказался, на беду Николая, сыном зампреда горсовета.

На следующий же день после того, как отпрыск высокопоставленного папаши угодил в больницу со сломанной челюстью, множественными ушибами и переломами ребер, Николая повязали прямо в качалке.

Следственно-судебный механизм, запущенный под давлением власти на полную катушку, с готовностью принял в свои жернова очередную жертву, после чего Кураев получил три года за хулиганство и отправился в колонию.

Там он заимел свою первую роспись на плече – девичью головку. Это означало, что свое семнадцатилетие он встретил в воспитательно-трудовой колонии.

Бакланский перстень на пальце ему выкололи сразу же после прибытия в зону.

Там же Николай получил свою погонялу. Вообще-то на фене «долбан» означает «окурок». Но Кураева окрестили так по другой причине.

Даром словесного убеждения он не обладал и потому в щекотливых ситуациях говорил просто: «Щас как долбану». Внушительная фигура и увесистые кулаки заставляли соглашаться даже самых несговорчивых.

Долбан быстро завоевал авторитет среди пацанвы, признанием чего явился еще один комбинированный перстень с черными мастями и тремя церковными куполами.

Год из отмеренного ему срока Долбан провел уже во взрослой колонии. Нравы там были построже, но Долбан за свою физическую силу и уже приобретенный авторитет был признан своим среди блатных.

Это прибавило ему проблем с администрацией зоны, но дало возможность избавиться от скуки трудовых будней – пахоты на «промке».

На волю Долбан вышел по звонку, полностью отсидев положенный срок. Без дела мыкался недолго. Еще с несколькими такими же бывшими пэтэушниками был принят запрудненской братвой и стал выполнять разнообразные мелкие поручения.

Обычно дальше мордобоя дело не заходило. Но Долбан выполнял свою работу прилежно и эффективно. За это был рекомендован не кому-нибудь, а самому Саше Порожняку, когда запрудненский авторитет решил обзавестись «кожаным затылком».

Выбор Порожняка пал на Долбана еще и потому, что он ни на что не претендовал, мыслительными способностями не отличался, перед шефом благоговел.

Накануне Долбан, конечно, провинился. Не надо было ему трогать эту сучку Катку. Ну, затащил бы как-нибудь в лайбу, запихнул на заднее сиденье, и все. Так нет же, не смог сдержаться, треснул ей по репе. У нее, конечно, фара под глазом сразу вспыхнула, истерика началась, визги, угрозы.

Но хорошо все, что хорошо кончается. К тому моменту, когда Долбан привез Катку домой к шефу, Порожняк уже успел обкуриться, был добрым и особенно не ругался. То есть он даже вообще не ругался, так, лениво расспрашивал, а потом отослал своего отбойщика. Значит, Катку проехали. Ну и ладненько.

О том, что тогда же, накануне, в кабаке Долбан начистил рыло какому-то козлу по имени Ленчик, телохранитель Саши Порожняка даже не вспоминал.

Мало ли их было, таких засранцев. Да, еще после Ленчика к Катке лез какой-то азер. Но это для Долбана тоже ничего не значило. Хрен с ними, с этими черножопыми.

Правда, Порожняк пригрозил, что отмазывать Долбана в случае чего не станет. То есть в случае разборок с черными. Да кто там за этого шашлычника заступаться станет?

В общем, вечером Долбан вернулся домой в хорошем настроении. Жил он один в съемной однокомнатной квартире обычной хрущобы. Заглотив полбутылки водяры, залег спать.

Утром проснулся, как огурчик, с аппетитом слопал большой кусок ветчины из холодильника, запил тремя сырыми яйцами и вышел из дому.

Он направлялся к Саше Порожняку. Но особенно не торопился. Шеф сегодня наверняка будет дрыхнуть до полудня, а если, паче чаяния, проснется раньше, позвонит. Для этого Порожняк самолично выдал Долбану пару недель назад сотовый телефон и объяснил, как им пользоваться.

Теперь мобильник всегда лежал в нагрудном кармане кожаной куртки Долбана, с которой он не расставался никогда, даже в самую жаркую, как, например, сейчас, погоду. Пару раз, когда Порожняк выезжал на серьезные стрелки, он на всякий случай выдавал своему отбойщику пистолет «ТТ» с полной обоймой.

Но стрелок из Долбана был никудышный. Причина проста – толстенный указательный палец правой руки с огромным трудом протискивался в пистолетную скобу. Так что наличие волыны было скорее мерой профилактической.

Ко всему прочему, Порожняк заставил Долбана написать какое-то дурацкое заявление о том, что пистолет якобы только что найден под кустом и предназначен для сдачи в отделение милиции.

Эта липовая ксива находилась теперь в том же нагрудном кармане рядом с мобильником, хотя никакой волыны при себе у Долбана не было.

Едва выйдя из подъезда, Долбан почувствовал, как его накрыло горячей удушливой волной. Солнце пекло нещадно. Долбан испытал острое желание накатить бокальчик холодного пивка. Насколько ему позволяли умственные способности, Долбан принялся размышлять над этой перспективой.

Пиво – это, конечно, по кайфу в такую жару. Но после него же несет как из бочки, а Порожняк ох как этого не любит. Но, с другой стороны, от запаха можно избавиться, засунув в рот пачку мятной жевательной резинки.

После недолгих колебаний Долбан направился к ближайшему киоску, торгующему среди прочей сигаретно-шоколадной дребедени холодным пивом. Перейдя на тенистую сторону улицы, он подошел к ларьку и сунул голову в окошко.

– Пивняк из холодильника?

Обомлевшая от жары тетка-продавщица успокаивающим голосом сказала:

– Из холодильника.

– Давай пару пузырей.

Долбан положил на прилавок измятую купюру.

– Какое?

– А че – типа, разное есть?

– Конечно, разное, – буркнула продавщица. – Не при социализме, чай, живем. «Жигулевское», «Балтика», «Бадаевское».

– Давай «Бадаевское». Еще пачку жвачки, которая, ну, это... посильней.

– Чтобы запаха не было? – уточнила продавщица.

– Ага. А на остальное – гондонов.

– Много получится, – не удивляясь такой просьбе клиента, ответила продавщица.

– А мне по хрену, карманы есть.

Рассовав по карманам два с лишним десятка презервативов в ярких лакированных упаковках, Долбан нетерпеливо сказал:

– Ну где там пиво? Трубы, бля, сохнут.

В ожидании спасительного напитка Долбан оперся локтями на прилавок. Перстни на его распухших от парафина пальцах расплылись и больше напоминали полустертые кляксы на руках у нерадивого ученика.

Получив наконец желанное пиво, Долбан высоко задрал голову и опрокинул бутылку горлышком вниз. Занятый поглощением «Бадаевского», он не услышал, как за его спиной, урча мотором, остановился милицейский «воронок».

Опустошив первую бутылку, Долбан принялся за вторую.

Сине-желтый «уазик» постоял немного, потом въехал на тротуар и остановился рядом с ларьком. Щелкнул замок открывающейся двери. Из машины, разминая руки и ноги, неторопливо вышли два гренадерского роста и телосложения милиционера в пятнистом камуфляже.

Увидев ментов, Долбан демонстративно повернулся к ним спиной. Милиционеров это, казалось, ничуть не смутило.

– Мужик, как пиво?

Долбан продолжал глотать из горлышка, словно вопрос относился не к нему. Милиционеры подошли поближе.

– Эй, мужик, пиво-то холодное?

Недовольный тем, что его оторвали от замечательного процесса, да еще не кто-нибудь, а менты поганые, Долбан обернулся:

– Чего?

– Глухой, что ли? – засмеялся один из милиционеров. – А, мужик?

Долбан угрюмо покосился на «воронок».

– Я не мужик, – по старой зоновской привычке ответил он.

– Так ты че, блатной? – с вызовом в голосе произнес другой мент.

Несмотря на недалекий разум и слабое воображение, Долбан быстро понял, что его провоцируют. Но ментов он никогда не боялся и знал, что в случае чего Порожняк отмажет: были свои люди в городской ментуре.

Эти двое вели себя так, как будто им было нужно срочно выполнить план по задержанию. Они обступили Долбана с двух сторон, явно заинтересованные его личностью.

Не отвечая на вопрос, он поставил пустую бутылку на прилавок ларька.

– Благодарю за пиво, мать.

– Ну, хам, – донесся из-за его спины голос милиционера. – На вопросы не отвечает, сотрудников милиции, находящихся при исполнении служебных обязанностей, по матери посылает.

– Ты чего гонишь, волчара? – опешил Долбан. – Кого это я по матери посылал?

Он не успел обернуться, как на голову ему обрушился удар резиновой дубинки. Долбан взмахнул руками, пытаясь закрыть темя, и зацепил прилавок. Пустая пивная бутылка со звоном разбилась о тротуар.

– Ты, сукин кот, еще дебоширить будешь? – со злобой воскликнул мент, стоявший спеша. – Давай, Семенов!

Беспорядочные удары посыпались с двух сторон. Долбан попытался сопротивляться, неосторожно убрал руку и тут же заработал дубинкой по затылку. Удар был нанесен профессионально, со знанием дела, поэтому Долбан мгновенно отрубился.

Потеряв сознание, он растянулся на тротуаре под ногами у ментов. Осколки разбитой бутылки вспороли ему запястье через рукава кожанки.

– Так, Семенов, – сказал милиционер с лычками старшего сержанта, вешая дубинку на пояс, – тащи его в машину и браслеты не забудь, а то эта падла еще очухается, разнесет там все.

– Да он там, бля, на бутылке порезался. Я сейчас весь в кровище вымажусь.

– Ну и хрен с тобой, – засмеялся старший сержант, – че ты, бля, девочка? Крови боишься?

– Да? – кисло возразил Семенов. – А кто мне потом камуфляж мыть будет?

– Давай, не муди.

Милиционер согнулся над Долбаном, брезгливо, едва ли не двумя пальцами завел обе руки своей жертвы за спину и щелкнул наручниками. Потом приподнял обмякшее тело Долбана и застонал от натуги.

– Ну, бля, тяжелый. Жрет, наверное, как удав. Кузя, помоги.

Милиционеры совместными усилиями затащили Долбана в «воронок». Бросили на пол за сиденьями, захлопнули дверцу.

Семенов сел за руль. Второй мент подошел к ларьку и сказал продавщице, высунувшейся из окошка:

– Вот так, тетка, надо с хулиганьем разбираться.

* * *

Придя в себя, Долбан обнаружил, что лежит, уткнувшись лицом в траву. Приподняв голову, он увидел перед собой две пары высоких шнурованных ботинок, которые на милицейском жаргоне называются берцами.

Почувствовав нестерпимую боль в затылке, Долбан со стоном опустил голову.

– Очухался, падла, – послышался голос сверху. – Ладно, Семенов, подними его и посади возле дерева.

Крепкие руки подняли Долбана и протащили под мышки несколько метров. Милиционер посадил его на траву, прислонив спиной к дереву.

Наконец Долбан мог осмотреться. Кривясь от боли, он несколько раз повернул голову.

Вокруг, насколько он мог понять, были только деревья и кустарники. Над головой в густой листве пели птицы. Кажется, где-то неподалеку журчал ручей. А может быть, это просто шумело в голове у Долбана после ударов «демократизатором».

Милицейской машины нигде не было видно. Зато Долбан заметил еще одного человека, который сидел на коряге с сигаретой в руке. Курить ему было трудно, потому что лицо его распухло от побоев.

Осторожно вставляя сигарету в рот, он придерживал ее разбитыми губами, глубоко затягивался, выдыхал дым. Лицо его, изуродованное почти до неузнаваемости, показалось Долбану

незнакомым. Однако вскоре Долбан понял, кто сидел на коряге, по замшевому пиджаку, треснувшему на плечах.

Вчерашний соперник Долбана ухмылялся, несмотря на то что вид у него был неважнецкий. Правда, ухмылка эта была больше похожа на гримасу страдальца.

Налетчик, похоже, на самом деле пребывал в неплохом расположении духа. Он даже умудрился цыркнуть слюной сквозь зубы.

– Ну че, козел? – сиплым голосом спросил он. – Узнал? Вижу, что узнал.

Подошедшие поближе милиционеры громко рассмеялись.

– Вишь какой сообразительный. А когда брали – шлангом прикидывался.

Лицо Долбана исказилось от злобы.

– У, волки позорные, мусорье вонючее!

– Семенов, че он там вякнул?

– Не расслышал, кажись, ругается.

– Ах, бля, он еще ругается. За это его надо наказать.

Тут же последовал резкий удар носком ботинка по печени Долбана. Взыв от боли, тот завалился на бок. Его тут же усадили обратно.

– Понял, паскуда, как рот разевать?

– Да вы, козлы, не знаете, на кого наехали! – выкрикнул Долбан. – Завтра на цырлах бегать будете!

– Нет, Кузя, ты слыхал? Вот клоп вонючий, никак воздух портить не перестанет. Давай его сразу замесим.

– погоди, Семенов, надо портупею снять.

– На хрена?

– Так легче тренироваться будет.

Пока менты снимали с себя ремни и прочую амуницию, Ленчик встал с коряги, тяжело передвигая ногами, подошел к своему вчерашнему обидчику.

– Ну че, пидор запарафиненный, думал, ты герой? Думал, что меня в ментовку загребли и мы с тобой больше никогда не встретимся? – медленно говорил он, с трудом шевеля разбитыми губами. – Я же тебя вчера предупреждал, чушок ты запаршивленный, что, бля, убью на хрен. Помнишь?

– Пошел ты, гнида, петушило ментовское!

– Да? – язвительно хмыкнул Ленчик. – Как ты догадался?

– У тебя на хохотальнике написано, что ты педрило опущенный. А на кумполе гребень торчит!

Долбан, изловчившись, попытался пнуть Ленчика ногой, но тот предусмотрительно держался на безопасном расстоянии.

– Че ты дергаешься, че ты дергаешься? – почти ласково сказал он. – Щас мы тебе гребень приделаем. А если мало покажется, то в два ствола отчешежопим.

– Да я тебе, падла, глотку перегрызу.

Ленчик с презрением бросил окуроч в лицо Долбана, но тот успел отвернуться. Менты тем временем подошли к своей жертве, разминая кулаки.

– Ну че, Семенов, кто первый?

– Кузя, ты у нас старший сержант, а я младший. Тебе положено.

– Ладно, – великодушно засмеялся милиционер. – Уступаю – молодым везде у нас дорога. Давай.

Семенов, явно обрадовавшись, немедленно врезал Долбану ногой по плечу. И когда тот опять завалился на бок, разочарованно сказал:

– Нет, так не пойдет. Херня какая-то получается – я его бью, он падает. Что ж мне, каждый раз его поднимать?

– Ну, бля, Семенов, ты мудака, – выругался старший сержант. – Ну поставь его. Пару раз врежешь, он опять завалится.

– Что ж делать-то? – Семенов почесал затылок. – Ладно, давай стоя попробуем.

Он поднял Долбана, прислонил его спиной к дереву и с гортанным криком нанес мощный удар кулаком в солнечное сплетение. Потом еще один – по левой стороне груди, в область сердца.

Раздался какой-то треск, Долбан промычал что-то нечленораздельное.

– Семенов, ты че, ему все ребра переломал сразу? – озабоченно проговорил старший сержант. – Ты так коней не гони.

– Да нет, Кузя, это у него там че-то в кармане. Щас гляну.

Он вывернул кожаную куртку Долбана, достал из внутреннего кармана сломанный пополам мобильный телефон.

– Во, бля? – с изумлением протянул Семенов. – У этого козла откуда-то мобила в кармане.

– Да скоммуниздил у кого-нибудь. Ты на его рыло глянь, он даже не знает, какие тут кнопки нажимать.

– Вам, псам вонючим, завтра такой парафин сделают, гарнир из параши хавать будете!

Долбан плюнул в одного из ментов, за что получил еще несколько ударов по ребрам и в голову. И все-таки он смог удержаться на ногах.

– Так, бля, Семенов, мне эта вонь надоела. Зае...ал он уже. У тебя там где-то пластырь был. Заклей ему пасть.

Мент резво вытащил из нагрудного кармана кусок лейкопластыря и заклеил рот Долбану. После этого он намеревался отработать на своей жертве еще несколько ударов, но старший сержант остановил его:

– Глянь, что там у него еще в шмотье. Может, бабки есть?

Через минуту все карманы Долбана были выпотрошены, имевшиеся в них денежные купюры перекечевали к старшему сержанту. Семенов развернул сложенную вчетверо и потершуюся на углах бумагу.

– Слышь, Кузя, у него тут заявление.

– Во, бля. Ну читай.

– Я, Кураев Николай Иванович... Ах, так тебя даже Николаем Ивановичем кличут? А знаешь такую поговорку – Коля, Коля, Николай, сиди дома, не гуляй?

– Так че там дальше? – нетерпеливо спросил старший сержант.

– Ля-ля-ля, ля-ля-ля... обнаружил этот пистолет, номер... ля-ля-ля, ля-ля-ля...

– Стой, стой. Какой пистолет? Ты хорошо посмотрел? Может, в штаны провалился?

Мент тщательно прощупал потертые джинсы Долбана и уверенно сказал:

– Не, ни хрена нету.

– Ты, падла, – старший сержант врезал Долбану кулаком по скуле, – где пушка?

– У него ж рот заклеен, Кузя.

Милиционер сорвал пластырь с лица Долбана.

– Где пушка, я спрашиваю?

– Нету у меня ни хрена.

– Да? – Старший сержант потряс бумажкой перед лицом отбойщика. – А это что такое? Просто так написал и целый месяц носил? Че она так потерлась?

– Захотел и написал. Просто так, для понта.

– Для понта? – рассвирепел старший сержант. – И номер для понта придумал? Ах ты, паскуда. Давай, Семенов, мочи его. Только не в грудь и не по плечам. Этот ублюдок качанный, ему твои удары как укусы комариные. В башку мочи, в башку.

Расположившись рядом с Долбаном, как на тренировке, Семенов стал наносить ему удары кулаками в голову. Поначалу Долбан пытался уворачиваться, но с каждым пропущенным ударом это получалось у него все хуже и хуже.

Наконец, совершенно измученный, он рухнул на траву под деревом.

– Ладно, хватит, Семенов, – распорядился старший сержант. – Пусть малость оклемается, потом я за него возьмусь.

Теперь разбитое лицо Долбана ничем не отличалось от изувеченной физиономии его вчерашнего соперника. Ленчик наблюдал за экзекуцией с мстительным злорадством, сидя на коряге и выпуская кольца табачного дыма.

– Вы его только раньше времени в гроб не вгоните, – сказал он ментам, когда наступила пауза.

– А ты че, жмуриков трахать не любишь? – загоготал Семенов.

– Я ж не этот, как это называется, некрофил. И потом, надо, чтоб он чувствовал, как ему гребень приделывают.

– Не ссы, Ленчик, потренируемся и тебе его отдадим. А чтоб в сознание пришел, побрызгаешь на него сверху.

– Чем побрызгаю? – не понял Ленчик.

– Посышь, мудак!

– А-а...

– Хер на, – передразнил его мент. – Тупой ты, Ленчик, тупой как валенок. Я вообще не понимаю, зачем вы с Рахитом нашей конторе нужны? Что ты, что твой брательник – оба долбо...ы.

– Чего это? – обиженно протянул Ленчик.

– Того, – наставительно сказал мент. – Вы с Рахитом дел наделаете, а потом нам разберайся. Мы и так все в говне по уши.

– А чего мы такого наделали?

– На хрена ты, пидор шерстяной, вчера в кабаке к этой бабе полез?

– Я пидором не по своей воле стал, начальник, – принялся объяснять Ленчик, нервно дергая посиневшим после вчерашних побоев лицом. – Меня на зоне опустили.

Менты переглянулись и загоготали.

– Так там всех, кто по сто семнадцатой, опускают. Ты ж за взлом лохматого сейфа на зону пошел.

– А я этого не знал, – взвизгнул Ленчик. – Не знал, и все. И потом, я ее даже трахнуть как следует не успел. Пьяный был. С брательником тогда нарубились.

– Ладно, не воняй, – оборвал его Семенов.

– А че мне вонять? Может, меня на зоне опустили, зато я щас сам любого опустить могу. А начальнику я вашему нужен потому, что мы с братаном любой гоп-стоп сделать можем.

– А толку-то, – пренебрежительно махнул рукой старший сержант.

– Вам, может, и никакого, не знаю. А начальник ваш новые звездочки на погоны получил. И бабок мы ему притащили немерено.

Упоминание о новых звездочках на погонах и больших деньгах, полученных начальником, почему-то привело обоих ментов в ярость. Семенов подскочил к Ленчику и отвесил ему крепкую оплеуху.

– Заткнись, пидор гнойный! Скажи спасибо, что мы этого жлоба месим. Если б не шеф, ты бы, падла, щас в шерстяной хате сидел. И какой-нибудь педрюган долбил бы тебя и в рот и в жопу!

– Ну ладно, че вы, пацаны? – заныл Ленчик. – Я ж только объяснил.

– Нам твои объяснения на хрен не нужны. Давай, Семенов, поднимай этого урода законного. Видишь, он зыркалами хлопает. Щас моя очередь.

Поставив Долбана спиной к дереву, старший сержант принялся методично и жестоко молотить его по самым больным точкам. Спустя несколько секунд Долбан снова упал. Но мент не остановился и продолжал бить его тяжелыми ботинками.

Отбойщик сначала дергался под ударами милицеских берцов, потом затих.

– Хватит, Кузя! – запоздало крикнул Семенов.

– Не хватит, бля, – отмахнулся разгоряченный старший сержант. – Эта сука будет знать, что такое остров любви. На всю жизнь, урод, запомнит.

Он бил Долбана до тех пор, пока сам не устал. Потом, тяжело дыша, отошел в сторону.

– Фу, бля, вроде натренировался, – выдохнул он.

Семенов склонился над затихшим телом Долбана, приложил два пальца к шее избитой жертвы. На его простом крестьянском лице отразилось недоумение.

– Слышь, Кузя, что-то я не пойму...

– Чего ты не поймешь, мутила? – закуривая сигарету, спросил старший сержант.

– Пульса вроде нету.

– А ты где шупаешь?

– Где-где? На этой, как она называется, яремной вене.

– Ищи получше, должен быть.

Прикладываясь к шее Долбана и так и эдак, Семенов снова озабоченно потряс головой.

– Не-а, ни хрена нету.

– Руку пощупай.

Последовав этому совету, Семенов взялся за запястье обмякшей руки. Потом резко приложил ухо к груди отбойщика.

– Сдох, что ли? – искренне удивился он.

– Да не может быть, – хмуро сказал старший сержант. – Я же его убивать не собирался. Так, поупражнялся немного.

– Что, точно умер? – спросил Ленчик.

– Да точно, точно! – не сдержавшись, закричал Семенов. – Вы че думаете, я тут, бля, шучу? Сдох, бля, че нам теперь делать?

– А ты «Скорую» вызови, – сказал старший сержант.

Он старался выглядеть невозмутимым, но даже Ленчик заметил, насколько он обеспокоен.

– В общем, так, Семенов, иди-ка глянь по сторонам на всякий случай. От города тут далеко, место безлюдное, но хрен его знает, может, какая бабка забрела. Нам лишние свидетели не нужны. А я тут курну и покумекаю, что к чему.

Семенов стал кругами бегать по окрестным кустам, ломая ветки и сбивая листья. Через минуту он прибежал и, запыхавшись, сказал:

– Не, вроде никого нет.

– Тащи его в машину, – распорядился старший сержант.

– Да ну, какого хрена? – возразил Семенов. – Давай здесь где-нибудь бросим. Ветками закидаем, и все.

– Дурак ты, Семенов, – снисходительно сказал старший сержант. – Поэтому у тебя на погонах только две лычки. Щас ты его засунешь в машину, и мы свалим отсюда. Завезем в город и оставим в каком-нибудь дворе возле базара.

– На фиг?

– Ты че, вообще баран, Семенов? Понимаешь, кого мы замесили? Это ж «синий». А на базаре крышу делают азеры. Когда жмурика найдут, «синие» сразу подумают на черножопых. Они и так на ножах, еле-еле мирятся. А из-за этого быка между ними разборки начнутся. Про нас никто и думать не будет.

– Ну ты, бля, Кузя, даешь! Круто придумано!

– Так у меня ж башка не только для того, чтоб фуражку носить. Бери пример с меня, Семенов, тоже старшим сержантом станешь. Не век же тебе в водителях-милиционерах сидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.